

И. ДЕМЧИК и П. СИНЦОВ

КОМСОМОЛ
В БОРЬБЕ
ЗА ЭКСПОРТ

ОГИЗ - МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1931

IX

ВСЕСОЮЗНОМУ
СЪЕЗДУ
ВЛКСМ

К IX ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ВЛКСМ

И. ДЕМЧИК и П. СИНЦОВ

1981
1447
КОМСОМОЛ
В БОРЬБЕ ЗА ЭКСПОРТ

(ОПЫТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ)

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1

Тип. изд-ва „Дер Эмес“,
Москва, Покровка, 9.
Главлит А—87758.
Тираж 15155
М. Г. № 332.
Д—0.

АВАНПОСТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА БЕРЕГАХ ТИХОГО ОКЕАНА.

Начинаясь от Троицкосавска, сухопутная граница Дальневосточного края тянется на 6 000 километров к северу и обрывается в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря. Она очерчивает собой огромную территорию, равную по своей величине половине европейской части СССР — 2 717,7 тысячи кв. километров. Территория огромная, с самыми разнообразными климатическими условиями: от полутропиков Посыета до жесточайших полярных полугодовых ночей острова Врангеля; от проливных тропических дождей Приморья до выжженных песчаных сопот западного Забайкалья; от бешеных ураганов Приморья до белого безмолвия Чукотской тундры. И на этой территории живет немногим больше людей, чем в одном городе Москве; на квадратный километр приходится здесь меньше одного человека. Зато здесь представлен самый богатый интернационал. Корейцы Посыета, китайцы Владивостока, удэгейцы Ольги, буряты Забайкалья, гольды, ороченцы Амура, алеуты Командорских островов, самоеды, чукчи-чукотки, евреи Биро-Биджана, русские, украинцы, немцы — одним словом до пятидесяти различных народностей населяют необятные просторы Дальневосточного края. Туземцев из них всего около 50 тысяч, остальные все приезжие или потомки ссыльных, каторжников. Край своими обширными границами соприкасается с Китаем,

Монголией, Кореей, а через моря — с Японией, Америкой, Канадой, Аляской.

Весь изрезанный хребтами сопки от мирного Сихотэ-Алина до дышащей каждодневной угрозой Камчатской, ключевской сопки, край представляет собой самый разнообразный рельеф поверхности. Рек в крае немного, по существу две: Амур и Анандырь, добрую половину года находящиеся под льдом. Омываемый четырьмя морями, край имеет изрезанные берега со множеством, чрезвычайно удобных бухт, и по всему огромному простору края тянется узенькой дерзкой ленточкой, врывающаяся в тайгу, перекидываясь мостами через реки, железная дорога, соединяющая край с центром.

Царское правительство знало, куда упрятывать непокорных.

Попробуй убежать с Сахалина, перебраться на гольдской оморочке через бурный Татарский пролив, а потом пробраться по тайге и сопкам Дальнего Востока, чтобы впереди увидеть такую же тайгу Сибири.

Немногие шли на такие шаги. Из этих немногих только отдельные счастливчики добирались до безопасного места, миновав сопки, тайгу, диких зверей и чинов царской полиции, насаженных щедро по всем закоулкам бывшей Российской империи.

Царское правительство совсем не заботилось о развитии производительных сил Дальнего Востока. Зато соорудило капитальные остроги (Горный Зерентуй, Усть-Кара, Нерчинск). Самым гнусным из всех дел царского правительства было превращение богатого острова Сахалина в остров пыток, в могилу живых людей, в Новую Каледонию Российской империи.

Переселенцы-крестьяне, попав на Дальний Восток и столкнувшись с суровостью девственной природы, с неограниченным произволом царских сатрапов, чувствовали себя немногим лучше, чем живущие здесь ссылки поселенцы.

Только Февральская, а за ней великая Октябрьская революции разгрузили тюрьмы Дальнего Востока, дали возможность дальневосточникам вздохнуть свободной грудью и именно только вздохнуть: с начала 1918 г. началась кровавая эпопея интервенции и разгул белогвардейщины на Дальнем Востоке.

Только в 1922 г. Дальний Восток освободился от последних интервентов, упрямо не желавших уходить, и смог приступить к развертыванию социалистического строительства.

А строить на Дальнем Востоке есть что.

Хребты Дальнего Востока хранят в своих недрах богатейшие запасы каменного угля (по предварительным разведкам определяемые в полтора миллиарда тонн), мощные залежи рудного и рассыпного золота, ценные металлы, единственные в СССР залежи молибдена, вольфрама, висмута.

Огромные лесные массивы — до 83 миллионов га — включают в себе ценнейшие сорта строевого и поделочного леса. Расположенные в основном по берегам рек и морей, они представляют удобные условия для полной эксплуатации. Сахалин, Камчатка хранят в себе мощные, неразведанные еще запасы нефти.

Тайгу, тундру, морское побережье Дальнего Востока населяют неисчислимые полчища зверя самых разнообразных видов: от северного оленя в тундре Камчатского района до южно-уссурийского тигра в тайге Приморья.

Тянущееся на расстоянии больше 10 тысяч километров морское побережье Дальнего Востока с мощными рыбными богатствами прилегающих морских бассейнов создает самые благоприятные условия для создания на Дальнем Востоке центрального рыболовства Советского союза.

Высокое качество природных богатств края, благоприятные условия их эксплуатации, близость иностран-

ных рынков, удобная морская связь с ними — все это выдвинуло Дальневосточный край в первый ряд мест, дающих экспортную продукцию за границу для скорейшей индустриализации Страны советов. Сейчас правительством обращено особое внимание на развитие производительных сил края именно в сторону дачи возможно большего количества экспортных товаров, и в этом свете «политическое и хозяйственное развитие края приобретает в настоящее время в системе Союза ССР исключительную важность».

Поворот в крае совершен. Край из страны кнута, кандалов, каторги и ссылки превращается в край с развивающейся, растущей промышленностью, в действительный аванпост Союза на берегах тихого океана.

Прорыв за прорывом! Газеты, от камчатской «Полярной звезды» до краевой «Тихоокеанской звезды», издавая в день пестрят заголовками: «Мы должны стране миллионы рублей!» «Отдадим долг пролетарскому государству!» Положение в крае напоминает фронтовую обстановку 1919—1920 годов. Оперативные сводки — приказы — фронт. Все силы напрягаются на выполнение промфинпланов — по лесу, рыбе, углю — главным статьям экспорта. Это — валюта, это — тракторы, машины, индустриализация Страны советов. Положение в крае напряженное. Промфинпланы систематически не выполняются.

Нехватает бойцов на хозяйственный фронт. «Дальлесу» нехватает 6 000 рубщиков, на рыбу нехватает 16 339 человек, 800 человек недостает угольной промышленности.

Ряд хозяйственных организаций вместо четкой, боевой работы по мобилизации масс проявляет недопустимую растерянность: Примрыбсоюз не знает, где у него находятся рыболовецкие колхозы: «Дальлес» срыывает подготовку к лесозаготовкам: «Дальуголь» завозит рабочих, не создавая им условий для работы, и недо-

уменно разводит руками: почему у него 100% текучести за 9 месяцев? В некоторых организациях царствует правооппортунистическая темпобоязнь. Классовый враг творит свое гнусное дело, начиная от кулака, *размораживающего* трактор «Дальлес», до расстрелянного «гражданина» Головкина, снабжавшего рыбалки Дальгосрыбтреста бобовым маслом вместо керосина для моторных катеров.

• Цифры упрямо не поднимаются вверх, 30-40-50-процентное выполнение промфинплана по экспорту. Партия бросает клич: «Все лучшие силы края на экспорт!» Основной смысл этого лозунга — бросить на экспорт, при нехватке людей в крае, тысячи лучших бойцов-энтузиастов, которые смогли бы в подчас дьявольски трудных условиях творить волю партии, создать ударные темпы работы. Комсомол первым подхватил лозунг крайкома партии.

До этого клича комсомол края в работе по экспорту почти не участвовал. Имелись в лесу, на рыбалках комсомольцы, ячейки; занимались они: постановками вечеров, побивая в этом деле союзные рекорды (28 постановок в месяц); на каждом собрании занимались заслушиванием информации о моральном состоянии комсомольцев — это в лучшем случае. А в худшем — пьянка, хулиганство, карты стирали лицо комсомола. Пахло мертвечиной. Рыба ходила в море сама по себе, а комсомольские ячейки жили сами по себе.

А партия настойчиво требовала ударных темпов работы. Полям нужны тракторы. Заводам — машины. «Подтянись, большевистская смена!» Комсомол ответил: «Есть!»

К столбцам цифр в газете прибавились новые, скромные на первый взгляд числа: 1 200, 1 100, 500. Под их скромной внешностью скрывались тысячи горячих сердец, ручейки живой комсомольской силы, вливаемой в лесную, рыбную и угольную промышленность. Край-

ком бросил приказ, лаконический, как всякий приказ на фронте: «Мобилизация». Замелькали на станциях железных дорог, на пристанях Дальневосточного края представители молодого интернационала, населяющего Дальний Восток: приморские украинцы, русоголовые с мягким выговором, с куском домашнего «хлиба» и «сала», с унаследованной от отцов наружной медлительностью в движениях; буряты Забайкалья, с раскосыми узкими щелками глаз, корейцы Приморья; голубоглазые амурцы; нахмуренные с в'евшейся в кожу колчадановой пылью зейские, алданские приискатели. Все это, на ходу торопливо сколачивалось в отряды и шло, двигалось, ехало, плыло на рыбалки, лесозаготовки, шахты, чтобы сменить песчаные, волнистые сопки Забайкалья на пласку морских волн Тихого океана, просторы амурских полей на узкий крутой уступ Сучана; конторку владивостокского ЦРК на пилу и топор в сихотэ-алинской тайге, — творить волю партии, выполнять приказ крайкома комсомола: «Дать на экспорт производственных революционеров, зачинщиков и организаторов соцсоревнования и ударничества, инициаторов и создателей массового движения рабочих за выполнение и перевыполнение производственных показателей и контрольных цифр».

Опустели комсомольские комитеты. Все работники аппаратов на местах в ячейках, мобилизованы. Брошены лучшие силы актива на мобилизацию. В каждой ячейке бюро стало своеобразным военкоматом. Шуткали! Ячейке дать три лучших комсомольца на фронт. Решения ячейек похожи на приказы: «Слушали: О посылке бригады на лесозаготовки. Постановили: Мобилизовать т. Орлова, Жигалина, Венснера». Подбирая кандидатуру, долго обсуждали, («а вдруг Орлов подкачает»), сосредоточенно курили, спорили, выпытывали, нет ли у Орлова «особых каких-нибудь причин», которые бы тянули его домой. Ванюшка, краснея, тут же на

собрании уверял, что у него «ничего такого нет», украдкой поглядывая в угол на красный платочек Тани. Наконец решили: «послать парня можно без сомнения». Чувствовался подлинный энтузиазм комсомольских масс, осознавших хозяйственно-политическую важность выполнения экспортных планов. Ячейки перевыполняли контрольные цифры райкомов.

«Разверстку крайкома по мобилизации 100 комсомольцев на лесозаготовки увеличить до 250 человек». Такие решения выносил не только читинский комитет, такие решения выносили райкомы, ячейки. Линия крайкома была правильной и она оправдалась мощным движением комсомола.

Первой мобилизацией по краю была лесозаготовительная. Брошены все силы. В крайкоме один секретарь разговаривает за всех, остальные на местах проводят решения в массы. В районах созданы штабы по мобилизации.

Кроме непосредственной работы по самой мобилизации штабистам приходилось каждый день держать десятки отчаянных боев с чинушами, бюрократами, у которых «обязательно станет дело» из-за одного мобилизованного комсомольца. К вечеру предштаба вместо убеждения уже выговаривает односложно: «не можем. Иди жалуйся», и чинуша идет в партком, идет в КК, грозит снять ответственность, но... решение партии побеждает, и чиновник, плюнув, уходит, затаив в душе обиду на большевиков, тревожащих его так «великолепно» налаженный аппарат.

Мобилизация на лес выполнена в срок и с превышением, смелее разворачивается мобилизация на рыбу, уголь.

Массы комсомольцев, актива голосуют за решение крайкома делами, перевыполнением цифр. Массы пришли в движение. Мобилизуют отовсюду. Амур дает колхозников, Зeya — приискателей, Чита — рабочих-

транспортников, Сретенск — колхозников и приискателей, Хабаровск — испытанных, проверенных уже не раз лесорубов, Владивосток — рабочую молодежь Никольска, Спасска, Владивостока. В группах шумливой комсомолки, едущей «догонять и перегонять», все чаще и чаще мелькают красные платочки девушек. Их среди мобилизованных 30%. Против этой цифры первое время возражали ретивые хозяйственники, пока девушки не стали на работу. Каждый день телеграф приносил сводки: «21 мая рыбу выехало 56 человек Хабаровск — Жук».

Резким, фальшивым тоном в хор победного марша комсомольского похода врывались головотяпские решения отдельных комитетов: «Довести до сведения ОК ВЛКСМ, что безработных комсомольцев нет, а снимать с производства считаем нецелесообразным» (Могочинский РК). Комсомольских *недорослей* заставляли выполнять решения партии. И тут они не могли обойтись без выкрутасов: давали безработных — сомнительных комсомольцев, снабженных вместо билетов справками сельсоветов о принадлежности мобилизованных к комсомолу... Такие «мобилизованные» вели себя заносчиво:

— Что? Мы? Да ты знаешь, что меня может акула проглотить послезавтра! — кричит один такой мобилизованный на старика крестьянина, едущего на пароходе и «осмелившегося» заметить им, «мобилизованным»:

— Пить-то пейте, но хуч бы сняли значки — камсомольцы...

Встретив ярый отпор едущих на рыбалки амурских «комсомольцев», старик, что-то бормоча под нос, отошел на бак парохода и, смотря на мутно-желтый Амур, в своем уме стал сравнивать своих деревенских комсомольцев с «мобилизованными» и явно не в пользу последних. Кстати, «пища акул» (группа этих амурских «комсомольцев») была впоследствии за непрерывную

княнку на промысле разогнана николаевским окружком комсомола.

Нельзя не вспомнить об «ударной» работе нашего транспорта, руководствующегося мудрой поговоркой: «Поспешишь — людей насмешишь»... И не спешили.

Гор. Благовещенск организует бригаду в 50 человек на лесоэкспорт, — заспанная кассирша, хлопая осоловело глазами, всучила ребятам билеты вместо Покровки до Поздеевки (пустяки, 500 км разницы). Разницу обнаружили в дороге. Слезли на Бочкарево.

— Пошли обращаться в соответствующие организации об оказании нам содействия в отправке нас на место работы по льготным билетам, — рассказывают мобилизованные, — но благодаря бюрократическому отношению к нам мы ничего не добились, несмотря на то, что бегали как угорелые из угла в угол. Просидели трое суток, которые стоят для нас и для ликвидации пробки больших денег.

Бочкаревские «соответствующие организации»... удивлялись:

— Чудаки! И куда они спешат, пушай у нас пожипут.

Правильный вывод сделали комсомольцы: «просить крайком комсомола и крайуполномоченного по экспорту впредь обратить внимание на бюрократов и бесхозяйственников и привлечь кого следует к ответственности за бесхозяйственность и бюрократическое отношение к ударной бригаде».

Владивосток-пристань. Группа сибирских комсомольцев широкими от удивления глазами рассматривает, как Эгершельд забивает трюмы японского «Каги-Мару» советским кедром.

Лица веселые. С жадностью вдыхают свежий морской воздух.

Длинный путь вокруг Байкала, Забайкалья, Амур — позади. От родного Барнаула остались удостоверения,

подписанные барнаульским окружком. Впереди манящие воды Тихого океана, промысла.

Комсомольцы обегают закоулки небольшого парохода «Вьюга», пока он, ныряя и изворачиваясь, пробирается к выходу в море. К вечеру на промысле. Встретили приветливо.

— Ага! Приехали; завтра выходите на работу, соль грузить!

На лицах разочарование.

— Товарищ управ, мы в море хотим, на кунгас.

— На кунгас?.. Нет уж это оставьте, еще перетопнете, а мне за вас отвечай! Сидите лучше на берегу.

Благодаря «заботливости» ретивого администратора, комсомольцы чуть не целое лето просидели на берегу, так и не побывав на море.

Приготовлялись к встрече комсомольцев и классовые враги, справедливо чувствуя свою гибель в этой молодой силе, вливающейся на промысла.

— Комсомольцы приехали! — разнеслось по промыслу.

На утро слухи:

— Будут снимать старых рабочих, поставят комсомольцев. Расценки снизят, им хорошо — все равно гарантировочных 75 рублей платят.

Холодком враждебности была встречена первая партия комсомольцев. И понадобились десятки дней ударной работы, чтобы недоверие было сломлено, чтобы растаял ледок между комсомольцами и старожилками.

Уехавшие дали дома обещание выполнить промфинплан по экспорту, оставшиеся — пополнить ряды, не ослаблять работы на своих участках. Нужно было с точным учетом всех особенностей распределить мобилизованных на всех наиболее важных участках, чтобы обеспечить за комсомолом командные высоты, чтобы обеспечить социалистические ударные темпы труда.

Вечером к «залу заседаний», врытому в землю бараку, где помещался весь штаб Вакского района, рабочком, ячейка, красный уголок, стали стекаться со всех концов потревоженной топором тайги 20-летние бородачи (остаток косы даже в руках искусного парикмахера не совсем удачно заменял бритву, только наиболее стойкие, с кожей носорога брились у Петрова). Сегодня конференция лесорубческой молодежи. Приехал из окружкома сам секретарь — Миша Лобанов. В низком со слезливыми заledenевшими углами зале как сельди в бочке примащиваются где кто может. Доклад управляющего о положении и содоклад окружкома «о задачах комсомольцев». Прения. Присутствующие старики-лесорубы, проводшие десятки лет в тайге, вслух удивляются:

— Откуда это комсомольцы так тайгу знают.

А потом заявление старого лесоруба:

— Для порядку и штоб лучше работалось, надо не менее как по 2 комсомольца поставить в каждый тракторный и конный обоз, а то сукины дети трактористы ездют целый день по лесу, а за весь день одно бревно из лесу привезут. Куда годится?

Рядом с копром шахты № 2, выбрасывающим ежесекундно десятки тонн экспортного случанского угля, примостилось длинное деревянное здание, прокопченное дымом выжигающегося рядом кокса и покрытое пылью маркого случанского угля. На двери перерванная пополам бумажка с таинственной надписью «КОМ. КСМ». Дорогу в это здание знает вся случанская рабочая молодежь, знает, что тут помещается и работает случанский рудничный комитет комсомола.

В «кабинете» секретаря парткома, с затоптанным случанской черной пылью полом, сегодня райком с активом решает вопрос «о мобилизации комсомольцев в шахту с поверхности». Маленький, черный, как уголь, с шапкой кудрявых волос на голове Калачев, променявший вер-

стак Дальзавода на секретарство в Сучане, горячася и повторяя через два слова в третье «понял», доказывает слушателям, что такого безобразия, как на Сучане, мир не видел.

— 15% комсомольцев работает в шахте. Не ячейка, а курорты. Вот скажи, Гриценко, сколько у тебя в ячейке шахтеров? — напирает Володя на секретаря шахты № 1.

— Ни одного.

— А откуда у тебя ячейка?

— Да ты что, не знаешь? — обозлился Гриценко. — Есть из ЦРК, РИКа, милиции, все, кто живет на шахте, все там и состоят!

— Ага! Состоят! А шахтерской молодежью некогда заниматься? А за прорыв на шахте Пушкин будет отвечать?

После недолгих разговоров картина ясна: ячейки перестроить по производственному принципу. Всех комсомольцев, могущих работать в шахте, послать в шахту. Провести *месячник* по распределению комсомольцев с поверстных работ в шахту. Срок месячника определить с 1 апреля по 1 мая.

Перераспределение сил идет внутри округов, районов, ячеек; комсомолом уяснена необходимость найти такое «звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь». Весь краевой, окружной, районный актив брошен на места, с заданиями: «возвращаться по выполнении промфинплана». «Развернуть ударные темпы работы, создать мощное движение масс за выполнение и перевыполнение контрольных цифр».

По берегам Раковки и Суйфуна раскинулея Никольск-Уссурийск. Ближе к железной дороге по обе стороны рабочий поселок ремонтного завода и депо, дальше за Раковкой — с горбатыми деревянными мостами, с предостерегающей надписью «езда по мосту шагом» (местные старожилы предпочитают обездать в брод) раски-

нулся «бывший Никольск», населенный в «доброе старое время» спекулянтами и контрабандистами всех мастей и национальностей, упрямо завоеванный рабочими Масложирсиндиката, Кустпромсоюза и фабрики учебных пособий. Старье отступило на окраины, переселилось из бывших особняков в маленькие хибарки, где и осело, злобно шипя, организова «самые свежие новости из Харбина», стараясь отравить своим ядовитым, разлагающим дыханием новый, пролетарский Никольск.

Сегодня в красном уголке ремонтного завода заседание бюро РК, решают, откуда взять лучших ребят и куда послать, где наиболее слабые участки, где требуется комсомольский энтузиазм, где он нужнее для дела строительства социализма. Среди молодых комсомольских юнгштурмовок как-то по-особому выглядят солидные пиджаки хозяйственников.

Горбоносый Митя Письменный исчертил замысловатыми фигурками весь лист бумаги перед собой, а в голове гвоздем мысль: «Как лучше укрепить на месте работу и дать лучших ударников на другие слабые участки? Опять же на заводе прогулы не уменьшаются...»

Вслушивается Миша в цветистые речи хозяйственников. Выступает представитель ЦРК:

— У нас двор не убран — нет рабочих, нехватает... Прошу райком мобилизовать с десятков дня на два...

У Митьки выпал карандаш из рук, — думал, шутит.

Не выдержал:

— Да что мы тебе, биржа труда, что ли? Или сор у тебя во дворе имеет экспортное значение? — Чуть не выругался, но потом вспомнил, что он на бюро, запнулся и, садясь, пробурчал: — Предлагаю уйти или молчать.

Массовые производственные мобилизации повысили спрос на комсомольцев, но некоторые заумные хозяйственники отнеслись к комсомольцам просто как к рабочей силе, не учитывая огромной организующей роли

комсомольцев на важнейших экспортных участках. Такие настроения были и по ним крепко били.

Сейчас эти настроения у большинства организаций изжиты. «Дальлес», «Дальуголь», Крайлестрест, Дальгосрыбтрест — все эти организации требуют комсомольцев не как рабочую силу, а именно как социалистический элемент, как застрельщиков социалистических темпов работы на производстве.

ОТ УДАРНЫХ БРИГАД—К УДАРНЫМ ЗАВОДАМ

Поднятое по инициативе комсомола социалистическое соревнование в крае дало уже ряд ярких достижений в городах, в крупных производственных центрах, но волна его еще не докатилась до тайги, до рыбных промыслов, слабо оно разворачивалось и в угольной промышленности.

Почтово-пассажирский поезд доходит до раз'езда. Здесь штаб Оборского лесозаготовительного района. В районе 70 комсомольцев. Работы много. Но базовый секретарь бездействовал. Передовые ребята возмущенно тормозили его:

— Понимаешь, ведь у нас самое большое вырабатывают 2,5 кубометра.

— Кубометра, говоришь? — сонно тянул секретарь, — а вот мы спектакль поставим — живо дело двинем!..

Сонный руководитель, не умея зажечь энтузиазм соревнования в комсомольском коллективе, варил его в собственном соку, пичкая комсомольцев-лесорубов танцуйками «Падекатр»...

В бухте Тосгоу, волнуемой свирепыми восточными ветрами, раскинулся засольными сараями, бараками промысел «Сучанский партизан». Мертво выглядит промысел под почти отвесными лучами солнца. Кунгасы ошипанными утками, со спущенными парусами и разбросанными юлами лениво покачиваются на приколе. Уже около месяца кунгасы стоят, хотя иваси в море

идет. Промфинплан выполнен только на 23%. Комсомольская ячейка (7 человек) весной горячо бралась за соревнование, собирали собрания, записывали ударников. Сгоняли один раз мотор Примрыбаксоюза в соседнюю бухту Малое Тосгоу (хотя по берегу 2 километра, но ведь ездили заключать соцдоговор и для важности — «даешь мотор»). Клялись торжественно перед малотосговцами, помахивая перед их удивленными глазами ученической тетрадь, исписанной от корки до корки, в которой были перечислены все объекты работы на рыбалках и после каждого короткое «на 100%».

Прошло три месяца, а на забытом договоре маленький сынишка председателя разрисовал какие-то одному ему известные фигуры.

Бумага осталась бумагой...

Лучшие элементы комсомола, рабочей молодежи бились за развертывание соцсоревнования, а райкомы в это время спокойно строчили письмо в ОК: «Ленинский призыв на Сучане не выполнили, комсомольцы не проявили свою активность в этом деле. Администрация совсем безответственно относится к соцсоревнованию. Красная и черная доски бездействуют». А окружные информаторы, лениво перебирая сводки, «извлекали опыт» с истошного вопля районов, меланхолично записывали: «Ячейка завода «485 верста» соревнованием почти не занималась; распушено бюро ячейки за бездеятельность; ячейка Иманского лесозавода бездействовала и в соревновании не участвовала». Написав такие глубокомысленные выводы и утомившись своей кропотливой работой, завинформацией клал ручку и со спокойной совестью отдавал в печать. Руководство со стороны комитетов соревнованием и ударничеством было безобразное, не было живой конкретной помощи, ячейки задыхались в тисках общих рассуждений о соревновании.

В это время стали поступать первые партии мобилизованных.

Крайком посылает весь актив на место работы, то же делают окружкомы и РК.

Первые шаги действенного соревнования

Сегодня в красном уголке павловского промысла старики вытеснены — позабились по углам, дымят вонючей манчжуркой. Командует молодежь. Приехала краевая комсомольская бригада. Бригадыры, с еще неуспешей сойти с лица подзеленью от крепкой зыби залива, с синевой под глазами от бессонных ночей, договариваются с молодежью о том, как лучше организовать соцсоревнование, что взять объектами. Старик рыбак Петр Ли не выдержал:

— Дак вы што же, доклада делать не будете?

— Потом, дедушка.

Старик, привыкший к полдненным рыбацкосоюзским гастролерам, немного удивлен. До этого приезжавшие бригады делали доклады и... уезжали, а эти даже и доклад делать не хотят. Наконец к 12 часам ночи старческое ухо уловило что-то новое — комсомольцы собираются взять в свои руки кунгасы №№ 2, 6 и 7.

— Мы докажем, что иваси может итти в невод к нам не хуже, а еще лучше, чем к старикам.

Назавтра комсомольцы вместе с бригадирами доказывали в правлении партячейке:

— Мы эти кунгасы сделаем ударными, только просим нам на каждый кунгас дать опытного шкипера.

Все улажено. Назавтра к вечеру комсомольцы с особенной тщательностью прибирали свои кунгасы, ощупывая каждую мелочь. Когда выходили в море провожать, вышла вся ячейка. Новые рыбаки с гордостью ворочали юлами, отходя от пристани. Соревнование нашло свои объекты.

Много пришлось комсомолу воевать за развертывание действенного соревнования — против бюрократических извращений.

В глухой тайге и у самого подножья Сихотэ-Алина, на берегу маленькой горной Эльдо-Вахи, расположена контора Вакского подрайона «Дальлеса». Сегодня здесь конференция лесорубческой молодежи. Вместо доклада на молодые головы таежников сыплются огненные укоряющие слова «Набата»: «План должен быть выполнен. Нужны бешеные темпы. Комсомольцы! Вы должны дать отчет в том, как вы работаете на лесозаготовительном фронте. Вы должны давать сигнал о всех ненормальностях, мешающих выполнению плана. Вы должны быть вожатыми пролетарского энтузиазма». Сегодня они дают отчет. Выступает молодой лесоруб с Амура:

— Хотели мы у себя создать бригаду, а администрация взяла, да и перебросила нас на разные участки. Надо это изжить.

Ребром были поставлены другие наблевшие вопросы: «Почему до сих пор не могут сделать красной и черной доски? Разве лесу нехватает?» «А стенная газета иногда не освещает, как идет соревнование, почему такое дело? Вот на Амуре работает ударная бригада, а мы не знаем, что она делает». «Профсоюзники наши дремлют. Я вчера спросил пильщика, что такое соревнование, а он оказывается и не слышал». «В других районах есть фонды премирования, а у нас нет, а разве это не помогло бы соревнованию?»

Предложения короткие:

«Изжить бесцельные переброски бригадиров». «Завести красную и черную доски». «Освещать соревнование в стенгазете». «Вызвать участок Амура на соревнование». «Совместно с профсоюзами повести разъяснительную работу». «Создать фонд премирования».

Назавтра возле конторы красуются красная и черная доски и на черной злостный прогульщик и пьяница Дан-

ченко. Вечером возле стенной газеты с заметкой «горесоревнование» толпятся лесорубы. В конторе с прорабом идет спор. Комсомольцы вынуждены убеждать хозяйственника, что ему выгодно создать фонд премирования.

За 20 километров севернее в душном бараке рабочего соседнего участка два десятка комсомольцев обсуждают договор с соседним участком. Чувствуется начало большого дела. Вечером в конном обозе разговорам нет конца. 18-летний сынишка Орлова вызвал на соревнование своего отца на скорейшую доставку бревен и главное:

— Сукин сын! Пропечатали в газете и побить опасно, — жаловался старик. — Ежели бы дома, я бы тебе посоревновался, а так придется тянуться.

А наутро старик поймал редактора «Лесоруба» и попросил:

— Ты пропиши в газете, что я утру нос паршивцу, вздумал стариков учить.

Первые ударники

Ящичный цех Бикинского лесозавода ничем не отличается от десятка ящичных цехов других заводов. Повизгивает циркулярка, мерно визжит автомат, свистит ленточная пила, гудит аэропланом строгальный станок и коротенькие, пахнущие смолой и еще каким-то особым запахом дощечки укладываются в стопочки, стойки, штабеля, вырастая в десятки тысяч кубофутов.

На двух соседних станках идет как-то по-особому лихорадочная работа. Послезавтра месяц, как комсомольцы Быкова и Волкотруб вызвали на соревнование комсомолку Еремину, работающую с беспартийным рабочим Деминным на одном станке. Волкотруб и Быкова побеждают — нервничают Еремина и Демин. Стараются свое отставание объяснить какими-то особыми, не зави-

сящими от них причинами, иногда переругиваются друг с другом, но со стороны видно, что Быкова и Волкотруб работают скорее, что у них больше спаянности в работе. Назавтра вывешена доска с результатами соревнования. Демин и Еремина обогнали всех на заводе, выработав за месяц 194 000 кубофутов, и все-таки отстали от Быковой и Волкотруба, выработавших 262 000 кубофутов. Упрямая складка залегла между бровями Демина:

— Ничего, — утешает он Еремину, — мы в этом месяце наверстаем свое.

Вечером конференция рабочей молодежи. В президиуме Демин, Быкова дружно рядом слушают нехитрую повесть комсомольцев Киселева и Варашина:

— Когда мы объявили себя ударниками, сначала смеялись: «Кишка не выдержит», «Выше носа не прыгнет». Только когда звонком провел собрание рабочих и проработал вопрос о соревновании, отношение начало изменяться. Стали внимательнее прислушиваться: «А что в самом деле у ребят выходит?» Феоктистов первый стал перевыполнять дневную программу на 37%. А мы поставили себе задачей обогнать его. К нему рабочие начали относиться с уважением, из Феоктистока он стал тов. Феоктистовым. А мы стали его перегонять. Сейчас мы перевыполнили программу на 80%! — закончил под громкие одобрительные аплодисменты Варашин...

На далеком острове сокровищ — Сахалине — под шум дикого прибоя работают рыбаки промысла Най-Най. Горячая пора. Люди не успевают выливать из садков валом идущую сельдь. Работают по 16—20 часов, чтобы, не раздеваясь, свалившись от усталости, на другой день опять перегонять косяки сельди из неводов, опять набивать корытообразные носилки и заваливать серебрянкой селедкой чаны.

Чаны заполняются сельдью со сказочной быстротой. Руны ход. Под навесом — круглыми тубочками бо-

ченки и над каждым боченком склонилась красная ко-сынка укладчицы. Клеенчатые фартуки, нарукавники, белые бязевые перчатки напоминают чем-то средневековые. Нехитрая на первый взгляд работа укладчиц требует сноровки, умения и добросовестной тщательности. Ведь иностранцы требуют на рынки сельдь не мятую, не порванную — ровную, прямую, а она после семи дней лежания в чану стала такой нежной, что кажется от одного прикосновения лопнет. А ведь ее надо еще туго укладывать. Старые укладчицы привычным движением прижимают в ряд друг к другу серебристую сельдь. Тут же рядом, вперемежку, молодые комсомолки с материка, приехавшие 2 недели тому назад, торопливо, рывками выхватывают сельдь из носилок, и ряд за рядом заполняются бочата. Комсомолки — ударницы. Помня наказ ячейки, которая их посылала, они с первых дней своего приезда поставили себе задачу — добиться укладки 15 бочек в день, упрямо пропустив мимо ушей разговоры старых, опытных укладчиц о том, что больше десяти «ни в жисть не уложить». Первые дни действительно приезжие комсомолки укладывали 5-6-7 бочек, вызывая легкую насмешку старожилов. Однако к концу первых двух недель насмешки перешли в удивление — ударницы стали укладывать по 14-15 бочек, заткнув за пояс насмешников. Комсомолки успевали укладывать сами и помогать соседкам, отстающим в укладке. Старое отступало, прижатое новым, вырастающим в массовое движение — ударничеством.

От ударников к бригадам

Долго билась ячейка Сучана, чтобы сколотить ударную бригаду на шахте № 3. Не легко было преодолеть косность администрации, шахткома. Кроме того сами комсомольцы выражали сомнение:

— Старики не берутся, а нам и подавно рискованно.

Совещания следовали за совещаниями. Бюро ячейки ходило по баракам после работы:

— Ты пойми, дурья голова, — убеждал в одном бараке член бюро, — должны мы, комсомольцы, выполнить решение партии?

— Должны.

— А почему ты не хочешь идти в бригаду? Ты думаешь, проголосовал и ладно? Нет, брат, резолюцию надо обушком проводить, в шахте.

Наконец сколочено 11 человек.

Назавтра в дежурке ударники, пришедшие на работу, читали с удивлением приказ.

П р и к а з

По шахте № 3, 15/X 1929 г.

§ В целях укрепления отстающих участков перемещая тт.:

1) Ли Петра	} Командируются на работу по откатке.
2) Ким Ин-Бон	
3) Нигай Алексея	
4) Тен А.	
5) Хан	} Командируются по сортировке угля.
6) Ким Сичери	
7) Хван Бн-Гон	

Возмущенная бригада к секретарю ячейки:

— Почему нас всех разгоняют по разным работам? Ты говоришь обушком, а нам обушки не доверяют.

Секретарь к зав. шахтой:

— Это же безобразие, ты горишь комсомольскую инициативу.

— Ерунда! Что мне с вашей бригады, когда мне нужны там рабочие?

— Но почему нельзя послать других?

— Идите вы... — обозлился ретивый администратор, — я единоначальник и знаю, что делаю!

Бригада похоронена, а с ней вместе «единоначальник» похоронил и энтузиазм молодежи. Так же, очевидно из принципов единоначалия, была похоронена вторая бригада откатчиков и отгребщиков из 25 человек.

После двух неудавшихся попыток решили сделать последнюю.

В апреле организовали ударную бригаду забойщиков и лесогонов на шахте № 10. Когда бригада просуществовала 2 недели и не была разогнана, коногоны тоже организовали бригаду в 10 человек.

По гезенку спускаемся в пачку. В забое при тусклом свете шахтерской лампочки лежит, упираясь ногами в стойку (если оборвешься, вниз лететь по уклону в 60° метра 64), одним плечом в пол, другим в крышу, молодой забойщик-ударник, равномерно взмахивая обушком, с мягким заглушенным стуком вбивается в угольный пласт. На нас он не обращает внимания. Надо работать.

Ударная бригада в апреле недовыполнила по производительности 4 см в день. Май — решающий месяц. Надо оправдать звание ударной.

— Понимаешь, ребята, лесогоны задание выполнили, коногоны тоже, а мы отстали, из трех бригад одна наша отстала. Правда у них работа легче, а нам как раз пласт твердый попался, очень крутой и узкий; пока приспособились — апрель месяц и прошел... Да, не знаешь ли, — перебивая себя, обращается к секретарю ячейки ударник, — не думают нас куда-нибудь перебрасывать? Мы ведь только налаживаться стали...

Вечером в ячейке ударники все в сборе, зачитывают письмо комсомольцев Октябрьского рудника на Сахалине:

«Начинаем развертывать ударные бригады. Организована ударная бригада по откатке. Норму перевыпол-

няем. Норма 85 вагонеток, вывозили по 102 в среднем, за отдельные дни вывозили по 137 вагонеток». Письмо подняло бодрость, уверенность в том, что «не мы одни — беда на Сахалине условия не лучше, а смотри, как ребята работают».

Группой недалеко друг от друга раскинулись промыслы «Собахе», «Авангард» и «Моряк». Во время шторма часто кунгасы «Авангарда» ночевали на «Собахе» или «Моряке».

До осенней путины ячейка промысла «Собахе» «вела» комсомольскую работу. Заседало еженедельно бюро, разбирая «циркуляры райкома». Созывались раз в две недели собрания, чтобы обсудить вопрос о пьянке рыбака-комсомольца, и никто бы не сказал, что ячейка находится на самом боевом участке выполнения планов осенней путины. Приезд крайбригады исполнил комсомольцев. Слушали, понунив головы, комсомольцы «Собахе» тяжелые обвинения в спячке, бездеятельности.

— Крыть-то главное нечем — все правильно.

— Завтра мы возьмемся за работу, — кончил докладчик.

«Выявим истинных ударников!» «Разоблачим лжеударников!» — замелькали плакаты по промыслу, написанные серыми расплывающимися чернилами. Вечером в красном уголке вывешена сводка, сколько надо выловить и сколько выловлено, и рядом с ней примостилась сделанная наспех из фанерного макаронного ящика, разделенная волнистой неровной линией пополам, выкрашенная в черный и красный цвет доска с надписями: «Позор срывщикам промфинплана» и «Герои труда». Доска пока пустует, но возле нее группа рабочих начинает едко обсуждать кандидатов на черную доску.

— Вон Петров через день на работу выходит, надо бы его сюда вlepить,

Да не один Петров, пожалуй места для всех нехватит — это не то, что герои. Разговоры смолкли, бригадир разъясняет рабочим обращение ЦК партии: «Выполним по-большевистски осеннюю путину». Ячейка начала оживать. Чаше можно наблюдать, как молодой паренек срезается со стариком, ловящим ворон во время работы.

— Ты пойми, кому ты вред приносишь, — обличал комсомолец.

— Да что, я закуривать стал, так уже и вред? — стараясь говорить тише, гудел старик (неровен час услышат другие комсомольцы, скажут сыну, а тот жох, даже если и ничего не скажет, а только посмотрит на отца долгим укоризненным взглядом — лучше бы уж выругался).

— Вас сто человек курцов, так вы всю осеннюю путину с дымом пустите.

— Ладно, не буду... — соглашается старик, стараясь увильнуть от негодующих глаз комсомольцев.

Сегодня на «Собахе» праздник. Вечером торжественное заседание и премирование лучших ударников. Еще за 2 недели до заседания по доскам выполнения видно было, как дрались, обгоняя один другого, за первую премию комсомолец Еремин и старый рыбак Иванов.

— Остальные две премии тоже наверно комсомольцы заберут. Упрямые ребята, — бурчит Иванов в обесценный перерыв, — втянули и меня, старика.

Вечером при свете молний в столовой яблоку упасть негде. Собралось все население промысла. Два паруса, изображая собой занавес, прикрывают от напирających рыбаков стол, за которым сядет президиум. Наконец после долгих дерганий занавес открылся. Единогласным решением избирается в президиум 9 ударников. Иванов и Еремин рядом. Зад насторожился. Завпроем делает доклад...

—В результате развертывания соревнования промфинплан по промыслу на 10 сентября выполнен на 260%. Контрольные цифры—выловить 50 000 шт. кеты, засолено 130 000 штук.

Зал не выдержал, захлопал, загудел, заговорил.

— ...Администрация совместно с профсоюзом решила премировать лучших ударников. Дали три премии.

Зал насторожился. Кто лучший: Иванов или Еремин?

— ...Первую премию дали тов. Еремину и тов. Иванову как показавшим лучшие образцы работы, остальные две — комсомольцам Никитюку и Серегину!

Смушенно краснея, подходят ударники к столу, не решительно переминаясь, получают премию, а из-за спины председателя — со стены — ласковый и прищуренный взгляд Ильича...

Не отстают от комсомольцев «Собахе» комсомольцы «Авангарда» и «Моряка». «Авангард» при помощи ударной работы комсомольцев перевыполнил план осенней путины на 13,5%, а лов еще не кончился. «Авангард» тянется изо всех сил, чтобы не отстать от «Собахе», «Моряк» обгоняет «Авангард» — план выполнен на 175%. Во время лова, когда кунгасы сходятся недалеко, так, что можно перекликаться, «собакевцы» не могут утерпеть, чтобы не похвастаться перед «моряками»:

— А мы 260% выполнили!

— Ничего, догоним,—огрызаются «моряки».

Трудовой энтузиазм охватил массы рыбаков, ударничество стало подлинным методом работы на производстве.

Участок Ямба. Столетний кедровник гудит от стука топоров и звона пил. Гиганты кедры, подкошенные, с шумом ломая на пути ветки, обрывая замерзлую зелень тайги, грохаются о землю, чтобы через час лежать очищенными на местах свалки.

Их было 9: 7 русских и 2 гольда. Вначале робко озираясь, испуганно вздрагивая от каждого падающего

кедра, с небольшими сумками за спиной, молча они пришли в барак, сняли сумки, оглядели пристальным взглядом грязный, неметеный пол и не менее грязные от дыма стены. Наконец самый старший произнес:

— Приехали, ребята! Ну что же, не красна изба углами, подкрасим делами!

— Слушай, дядя, а где тут у вас рабочком?,—обратился Красилов к заспанной фигуре, лежащей на нарах.

— А вы кто будете?

— Мы — ударники-комсомольцы, мобилизованные райкомом.

— Вона,—удивленно протянул дядя,—и гольды ударники...

Неодобрительно покачал головой. У местных крестьян сложилось убеждение, что гольды работать не могут и все лодыри. Яшка Даргом и Мишка Найд по-краснели.

Вечером собравшиеся в барак лесорубы выпрашивали у ребят:

— Неужели и в самом деле работать будете?

И когда ребята решительно утверждали, что они именно за тем и приехали, чтобы работать, недоверчиво качали головой. Старый лесоруб Сысоев, подсев к ребятам, убеждал:

— Тайга—это тебе не поле али там деревня, тут, брат, ой как глаз нужен, глядите, ребята, чтобы не стали ударниками в обратную сторону.

Когда улеглись все спать, комсомольцы в углу еще долго не спали, тревожно думая о завтрашнем дне. Наутро, разбившись на небольшие группы, ребята пошли в лес.

С опаской прятались за деревья, когда подпиленный кедр грохался о землю. И все-таки к вечеру норму в 226 кубофутов на пару выполнили все. К концу недели отдельные группы выгоняли по 460 кубофутов. Вызвали на соревнование работающие рядом бригады лесорубов.

рубов, те тоже стали перевыполнять норму за счет уплотнения рабочего дня.

В стенгазете «Лесоруб» № 2 (которая тоже ожила с приездом комсомольцев) появилась заметка: «Ударная бригада выполняет свою задачу».

«В первый день нам как-то показалось страшным, — писали ударники, — среди такой гущи леса. Приступили, и все же в первые дни работа казалась очень трудной, но на сегодня мы имеем блестящие результаты — выработка в среднем 300 кубофутов на пару.

Работа, которая возложена на нас, выполнится с честью».

И действительно работа выполнялась с честью. По одному только Николаевскому округу работало 17 бригад — 242 комсомольца.

Рабочие, видя улучшение в производстве, говорят:

— Вот это действительно настоящие ударники-комсомольцы.

Даже Сысоев, убеждавший, что тайга — это не поле, похваливает ребят и особенно Мишку Нард и Яшку Даргом:

— Гольды, а смотри как работают...

Да, работают. Каждый комсомолец знает, что выполнение экспортного плана является выполнением пятилетки, а Яшка и Мишка хранят в сумках под головами желтые книжечки с портретом Ильича...

Но всегда бригады встречались с недоверием.

На третий, самый глухой Оборецкий участок тоже прибыла комсомольская бригада. Прораб встретил улыбкой:

— Ударники. Очень хорошо-с. Валяйте завтра на четвертую деланку.

Наутро ребята на четвертой.

— Что за чорт. Говорили тайга, тайга, а тут ходи по всей деланке, выбирай по бревнышку — этак целый

день проходишь, — возмущался один из бригадников.

— Ладно, ребята, за работу, вечером выясним все. Вечер. В контору прораба ввалились бригадники.

— Прораб, почему нам дали худшую деланку, даже хуже, чем раскулаченным, и почему нам не дали рукавиц?

Прораб растягивает на лице ехидную улыбку.

— Ай-ай. А еще мы, говорят, ударники. В хороших условиях и дурак поработает, а вот вы в таких поработайте, покажите свою ударность.

Ребята ушли ни с чем.

Но потом все-таки показали ударность, за несколько дней работы увеличив норму на 93 %.

Мало вырубить лес в тайге, надо его своевременно вывезти на берега рек, к станциям железных дорог. И этот участок работы шаг за шагом завоевывали комсомольцы.

Шурка Мякишев — небольшой, приземистый. В этом году был назначен бригадиром тракторной бригады. Дело большое, тем более в Ленинском районе надо вывезти со станции Вяземской около шестисот тысяч кубофутов, да и возить надо за 22 километра — это не пукта.

Бригада на первом своем коротеньком совещании гром перед выездом в лес договаривается, что каждый должен сделать не меньше двух концов. Взялись за работу по-ударному. Старались предупредить каждую ошибку, мешающую работе. Результаты ударной работы оказались — за десять дней вывозка леса тракторами увеличилась на 300 %, за двадцать один день было вывезено 50 % сваленного леса. Из них бригада Мякишева вывезла 85 тысяч кубофутов. Когда стали присуждать премии лучшим трактористам, без спора, все первую премию присудили трактористу Богудинову, вывезшему тысяч кубофутов.

Комсомол в борьбе за экспорт.

Бригада грузчиков, соревнуясь с бригадой трактористов, тоже перевыполнила свою норму. Лес, двинутый комсомольским энтузиазмом, пошел... Краевая комсомольская газета запестрела сводками побед комсомольских боев за лес.

На 4-м участке Оборского района организовано пять ударных бригад: из них 3 коннорабочих—54 чел., одна бригада грузчиков и штабельщиков—18 чел., одна бригада лесорубов — 18 чел., две из этих бригад молодежных.

Во главе стоят комсомольцы!

Между бригадами развернуто соревнование, в результате чего производительность труда и нормы выработки повысились.

Бригада коннорабочих стала вырабатывать на 37% сверх нормы, грузчики и штабельщики — от 50 до 89%, лесорубы — 24%.

Хабаровский городской театр. Все стулья в партере, все места на балконе забиты. Роговые очки хозяйственника вперемежку с блузой рабочего с постройки Дома советов. Партийный актив слушает доклад секретаря крайкома о том, как выполняется решение ЦК партии в крае.

Пестрят перед слушателями факты махрового оппортунизма, бездеятельности организаций на местах.

Секретарь крайкома зачитывает телеграмму с западного побережья Камчатки: «Ход рыбы хороший. Профсоюзы работу за редким исключением не проводят. Отдельные комсомольские бригады работают с редким воодушевлением и энтузиазмом».

Невидимой цепочкой связана оценка, данная комсомолу руководящими партийными работниками края как «большевистскому бродилу», с оценкой старика-лесоруба с Шимановского участка, который на вопрос: «Ну как комсомольцы у вас?» коротко ответил: «Крепко работают, сукины дети».

Герои-ударники

В ряде мест комсомольцы-ударники отказывались от дней отдыха, работали день и ночь, чтобы дать государству больше экспортной продукции.

Промысел и «Моряк» к 17 сентября выполнили свой план на 175%. Администрация потирала руки, предвкушая благодарности и собственнический портрет на страницах по крайней мере «ТОЗА». 18-го налетевшими штормами сломало, испортило несколько заездок.

Секретарь комсомольской ячейки побежал к заводу:

— Тов. зав, заездки сломаны, а рыба идет! Надо починить.

Зав недовольно нахмурился:

— Эх, и беспокойный ты парень. Ну чего тебе надо? План мы свой перевыполнили, а ты еще канитель заводишь! Да и некогда нам с ними возиться: людей нет.

Не помогли уверения, что государству нужна рыба, что ее еще можно ловить, если наладить заездки.

Вечером собрание комсомольской ячейки. Вопрос поставлен ребром.

— Ребята, рыба идет, у нас сломаны заездки. Администрация чинить отказалась. Есть предложение всей ячейкой взяться и работать до тех пор, пока не починим заездки. Кто выскажется?

— Даешь рыбу!

Без особых прений тут же, вечером, комсомольцы двинулись горючить заездки. Наутро рыбацкое население «Моряка» собралось глядеть на комсомольскую затею.

— Все равно без толку, рыба-то ведь уже прошла.

Однако к вечеру к комсомольцам присоединились некоторые старики. На второй день заездки были окончены. Третий день был днем победы комсомольцев—в

заездах кеты было тьма. Комсомольцы падали от усталости, но ходили именинниками. Шутка ли? Выловили еще 20 тысяч кеты...

Разрезая носом воду, подходит к промыслу Най-Най пароход. Для Сахалина это большой праздник и... большая работа. Надо разгрузить прожорливые трюмы от грузов с материка и надо опять забить их сахалинскими богатствами — рыбой. Комсомольская ячейка, мобилизовав себя, работала всю ночь, подкатывая тяжелые бочата к пристани, чтобы скорее можно было сделать погрузку. Утром бочки выстроены в ряды и ждут путевки на материк. К следующему утру пароход выгружен. Надо его загружать. На беду разыгравшийся шторм немилосердно бросает суда из стороны в сторону, грозя захлестнуть горько-соленой водой кунгасы, подвозящие к пароходу сельдь. Гребцы с налившимися кровью глазами, с вздувшимися на руках жилами нечеловеческими усилиями гонят кунгас к пароходу. Предательская банка вынырнула у самого носа кунгаса, и он, крепко врезавшись, сел на мель... Завпром схватился за голову. Грузчики отказались грузить по старой цене. Одна надежда на комсомольцев. Короткие разговоры с секретарем и уже на пристани вся комсомольская ячейка в сборе. А предательское солнце уже коснулось краешком морской воды. «Опять на всю ночь работа...» Зато наутро селедка погружена и кунгас снят с мели...

В борьбе за экспорт, в борьбе за промфинплан комсомольцы отдавали все и были готовы отдать жизнь. На отлете бухты Най-Най стоит избитая рыбацкая Петровой. Старуха одна дома. Муж утонул во время позпрошлогоднего шторма, а единственный сын Яша сегодня ушел на комсомольское собрание.

«Что-то долго нет,—думала мать, поглядывая через окно в темноту ночи,— вот и картошка остыла».

А ветер гнал струи дождя и барабанил по окну. Старуху начало клонить ко сну.

Рывком вздрогнула дверь. Старуха остолбенела. Вошел Яша, мокрый, без сапог, без фуражки, а с ним, ведя его под руки, двое ребят. Екнуло сердце матери:

«Уж не побил ли кто?»

— Что с тобой, Яша?

— Ерунда, давай есть, а я расскажу.

Засуетилась мать, вытаскивая картошку.

— Пришел пароход, стали возить на кунгасах груз, ну и я поехал с Петькой Степановым на пароход. Привязали кунгасы, влезли, а тут, понимаешь, девятый вал наверно, или мы плохо привязали, только слышим — что-то кричат нам матросы. Подбежали мы — мать честная. Оба кунгаса оторвались и несет их на камни. Кинулись за лодкой, а пароходный плотник их раскопал, чинить собрался, а кунгасы деньги стоят, с берега тоже далеко, да и ночь темная. Мы и бросились с Петькой вплавь за кунгасами. А плыть тяжело. Волна дышать не дает, захлестывает. Я доплыл до кунгаса и пригнал его к берегу. Вот и вся история.

— Эх, Яша, Яша, и зачем так делать, можно утонуть, — горестно тянет мать.

— Ничего ты, мать, не понимаешь, ведь кунгасы-то государственные, а я ведь комсомолец.

Массы зажжены

Комсомольские ударные бригады в тайге, на рыбалках, на шахтах превращали ударное движение в движение масс, зажигая массы энтузиазмом социалистического строительства, создавая ударные темпы в работе.

На промысле Джаоре — 14 комсомольцев. 6 ребят и 8 девчат объявили себя ударными. Ребят не испугало то, что приходилось во время путины (завала рыбы) работать до 6-8 часов утра и после короткого двухчасового отдыха снова вставать к засолным чанам, на заездки, мойку.

В засольном цехе рабочих разбили на 12 десятков. Десятки, в которых работали комсомольцы, были за хорошую работу помещены на красную доску. За ударниками тянулась остальная молодежь, подтянулись и старики. Стали уменьшаться прогулы, простои. Промфинплан перевыполнен на 8%. Благодаря хорошей работе комсомольской ячейки в ударники завербовано 200 человек рабочих.

Сегодня ячейка Най-Най прорабатывает на собрании комсомола с беспартийной молодежью и взрослыми рабочими обращение ЦК партии «О встрече третьего года пятилетки» и решения крайкома комсомола по этому вопросу. Клуб набит битком. Два раза до собрания комсомольцы обходили все бараки и провели беседы с группами и отдельными рабочими. Сегодня на собрании досталось всем понемногу. Решение конкретное.

Завтра проводится в жизнь. Стенная газета бичует рвачей, прогульщиков. Бараки разукрашены лозунгами, написанными пионерами и призывающими рабочих в ударные бригады. Комсомольские бригады стали расти: с 2 ударных бригад и 21 ударника стало 4 бригады и 53 ударника.

Лучший ударник, комсомолец Клименко, вызвал на соревнование 10 человек отъявленных прогульщиков, выходящих через три дня в четвертый на работу. Остальные комсомольцы подтрунивали над его прогульной бригадой. Однако через 10 дней бывшие прогульщики ликвидировали прогулы, о чем громогласно было объявлено в газете, и норма выработки прыгнула вверх.

Решающую роль в развертывании соревнования, в мобилизации энергии и энтузиазма масс на лесозаготовках сыграли проведенные по всем участкам конференции лесорубческой молодежи. Мобилизованные комсомольцы на этих конференциях играли решающую

роль. Да и не могло быть иначе, так как они принесли с собой твердую, большевистскую настойчивость и волю к победе над тайгой.

Село Богородское одним концом уперлось в берег Амура, другим в сопки-тайгу. Почти рядом с селом «Дальлес» развернул в этом году лесозаготовки. Комсомольцы все в лесу. Лошадные — возчиками, безлошадные — рубщиками. Вечером в барак к комсомольцам зашел старый десятник.

— Ребята, дело с рубкой плохо, и очень плохо с возкой, давайте что-нибудь придумаем...

— Давайте организуем красный обоз в тайгу, — предложил кто-то.

Назавтра в Б. Михайловском с утра собрание групп бедноты.

Беднота за предложение комсомола. На другой день потянулись с двух сторон к Богородску подводы с красными знаменами. Инициатива комсомольцев подняла массы и спасла положение с вывозкой леса.

Большую роль сыграл выпускаемый ячейкой бюллетень по ходу соревнования, который выходил ежедневно, побив тем самым вяземскую ячейку, выпустившую за 21 день 19 ударных сводок. Тайга ожила, омоложенная молодыми комсомольскими соками, большевистским бродилом, потянувшим за собой массы в поход за социализм.

Лжеударники

Резкими, фальшивыми нотами в стройную музыку ударного труда врывались отдельные случаи лжеударничества, когда комсомольцы плелись на поводу классового врага.

В 6 часах езды от Владивостока бухта Тафуин. Крупные рыбалки Дальгосрыбтреста. Консервный завод.

Больше тысячи человек рабочих, из них процентов 40 молодежи.

Комсомольская ячейка, вместо работы на производстве, занималась пьянкой, склокой. Созданная ударная бригада абсолютно ничего не делает. От торжественных клятв пришли к ничегонеделанию. При организации ударной долго уламывали администрацию, выпрашивая для бригады моторный катер. Наконец получили. Темной ночью «ударники» на своем катере возвращаются домой. Рыбы правда не поймали, «но ее, очевидно, сегодня и нет в море», объяснил старшина — комсомолец Смирнов. Вот и огни Тафуина. Вдруг катер вздрогнул, весь подскочил на воде. Все всполошились. Оказывается, со вчерашней пьянки у Смирнова мутилось в глазах, и он не заметил вешки — посадил катер на камни. На две недели катер выбыл из строя.

Рабочие на собрании, возмущенные поступком комсомольцев, требовали показательного суда над лжеударниками и рвачами.

Шахта № 10 — самая производительная шахта Сучана, но она систематически не выполняет промфинплана.

Сегодня в клубе Десятой — открытое комсомольское собрание с докладом следственной комиссии РК ВЛКСМ.

— Комсомольский коллектив шахты № 10 работает безобразно. Начиная от самого нового комсомольца и кончая активистом, членом бюро РК, везде сквозит безответственность, — заканчивает свою речь представитель РК.

Говорит молодой беспартийный забойщик Иванов:

— Где же будет работа? Лозовой сам прогуливает, по четыре дня на работу не выходит, а он секретарь горной ячейки.

— У нас какая-то пьяная лавочка, — вторит ему молодой слесарь.

— Газатулин беспросветно пьет и прогуливает, а АПО — Мордовский — ничего не объясняет ребятам.

— Мы, беспартийные коногоны, все время слышим, что комсомольцы дают пример. А у нас наоборот: наши комсомольцы-коногоны вырабатывают меньше нас.

— Шахтком распустил ударную комсомольскую бригаду, которая оказалась лжеударной.

— Почему РК до сих пор ничего не делал? Надо все перетряхнуть в ячейках, встряхнуть всю гниль, и тогда они заработают ударно, — закончил за всех комсомолец Сапко.

Нередки были случаи, когда мобилизованные комсомольцы оказывались лжеударниками, когда в их среду пролезали нытики, маловеры и даже скрытые классовые враги. Тепло провожали николаевские комсомольцы уезжавшую на промыслы «Оремиф» организованную в городе комсомольскую ударную бригаду.

— Ваша задача — организовать социалистическое соревнование и перейти к ударным методам работы, — коротко формулирует задачу ударной бригады секретарь окружкома.

Приехали на рыбалки. С первых дней у рыбаков не весь рабочий день заполнялся, так как шла подготовка к путине. Решили устроить промысловый огород, и в остаток рабочего дня всех рабочих посылали копать грядки. Посылают и комсомольцев.

— Понимаете, ребята, своя картошка, капуста и огурцы — ведь это же красота, — с сияющим лицом говорил бригаде огородный энтузиаст, секретарь комсомольской ячейки. Бригада возмущена.

— Вместо борьбы со штормами предлагают рыть землю, садить картошку — никакого героизма! Мы приехали не огородничать и в земле рыться не намерены.

Так и ушел секретарь ни с чем. На другой день при распределении рабочих бригаду все-таки посылают на огород.

— Ага! Вы так?—обозлились бригадники.—Мы не выходим на работу ни на какие огороды.

— Товарищи, ведь это же забастовка, ведь вы же — комсомольцы.

Куда там!.. Так и не пошли комсомольцы работать на огород, предпочитая отлеживаться в бараке. А через неделю секретарь ячейки писал письмо в ОК:

«Дела идут не плохо. К путине готовы, садим огород. А городских «ударников» шлем обратно, делайте с ними что хотите, они рвачи и лодыри и нам таких не надо. Это не только мое мнение, но и мнение всех комсомольцев, всех рабочих. Больше таких бригад не присылайте».

Массы за комсомол, за ударные темпы

В прямой зависимости от умения комсомола развернуть ударные темпы работы, повернуться лицом к производству стоит вопрос увеличения роста комсомола, увеличения авторитета комсомола в массах беспартийной рабочей молодежи.

«Декастринский район имеет на лесозаготовках ячейку в 11 человек. Молодежь почти не знала о существовании замкнуто работавшей ячейки. С января развернулось ударное движение. Вместе с ростом ударных бригад рос и комсомол. На 15 февраля уже были 3 ячейки и 52 комсомольца. Ударные темпы работы создали ударные темпы роста».

Такой вывод делает комсомольская газета «Лесоруб».

Отсутствие борьбы за промфинплан, липовое ударничество, давали черепаший темпы роста. Вот докладная записка инструктора крайкома о положении с ростом на Сучане.

«Шахта № 10: рабочей молодежи—220 чел., комсомольцев—20, ударников—5.

Шахта № 2: рабочей молодежи—264 чел., комсомольцев — 40, ударников — 10.

Всего по Сучану по всем шахтам 584 чел. рабочей молодежи, комсомольцев 110, ударников — 29.

Вся рудничная организация за 6 месяцев выросла на 55 чел.

Рост организации неудовлетворительный, ячейки слабо занимаются привлечением в комсомол рабочей молодежи через практическую работу, плохо поставлена работа среди молодых ударников, роста за счет ударников почти нет».

ПОВОРОТ МОЗГОВ К ТЕХНИКЕ

В ряде мест малейшая ошибка в использовании оборудования, малейшее недоснабжение материалами и орудиями производства ставила под угрозу выполнение промфинпланов, ставила под угрозу экспорт, значит и импортное оборудование для скорейшей индустриализации страны. Особенно в этом отношении отличался аппарат Рыбаксоюза, расхлябанность работы которого стала нарицательной для рыбаков, говоривших «молчит как рыба...ксоюз».

Колхоз «Сучанский партизан». На песчаный берег бухты Тасгоу вываливаются с кунгасов сети, с воткнутой в каждую ячейку рыбой иваси. Идет рунный ход.

На берегу завал. Отцепщицы не успевают отцеплять рыбу из сети, а надо торопиться — предательское солнце, подымаясь вверх, немилосердно жжет рыбу. Если иваси не будет убрана до обеда, то она сварится на солнце и вместо серебристой экспортной сельди из нее выйдет только вонючий бурый тук. Отцепщицы рывками, торопливо, не глядя, выдергивают рыбу из ячеек и бросают в стоящие рядом носилки. Вместе с матерями сидят рядом 12-13-летние подростки, которые также, копируя взрослых, сосредоточенно присели на корточки и заполняют носилки. Рыба больно, до крови ранит руки. На завтра, раз'еденные морской водой, эти раны станут язвочками. Одно спасение — вазелин. Но

об этом сейчас никто не думает — рыбы много, а солнце все выше взбирается по небу.

В правлении колхоза собралось человек 15. У всех в голове одно — как спасти рыбу. Наконец выход найден.

Удивленные отцепщицы не верили своим глазам, когда увидели, что носильщики самым хладнокровным образом стали сваливать сети из кунгасов в носилки вместе с рыбой и бегали к засольному сараю, к чанам.

Мудрые правленцы решили «рационализировать» работу — бросать иваси в чаны вместе с сетками, заявляя, что «сетка дешевле стоит, чем рыба», хотя эту сетку покупали в Японии и платили за нее большие деньги. Вот уже подлинно: «Умри, Денис, лучше не скажешь»...

Комсомольские отряды, помня, что комсомол является зачинщиком рационализаторских мероприятий, взялись за действительную рационализацию, а поле деятельности в тайге, на рыбалках, на шахтах для рационализации огромное; но всюду царствуют привычка, дедовские способы работы, не могущие обеспечить ударные темпы.

С приездом ударной комсомольской бригады на участок Малый Самон оживилась работа ПК и ПС. Комсомольцы закрепили при ПК и ПС рационализаторские ядра, которые сами подмечали все недостатки, организовали сбор рабочих предложений. Стенгазета запестрела заметками: «Некоторые пилы не вполне пригодны для использования, у нас в бараке есть точила, каковые валяются. Администрация не задумывается привести их в действие для точки топоров и зачастую рабочим приходится использовать подпилки, что в общей сложности стоит гораздо дороже, чем точило». «Гвоздь».

Трактористы-комсомольцы взяли шефство над машинами. Был выработан план работы отряда. Уменьшился простой машин, сократилось расходование горю-

чего, не стало случаев нерациональной, бесполезной гонки машин. Вскрыт классовый враг — вредитель в колонне (зав. колонной), который был снят и отдан под суд.

Наиболее слабым участком комсомола в походе за экспорт является борьба за технику — техническая учеба и изобретательство... Попытки организовывать кружки по изучению техники оканчивались в большинстве случаев неудачами. Руководство продвижением техники в массу было явно недостаточное.

Районная конференция сучанской организации с напряженным вниманием слушает доклад героя гражданской войны Митракова о выполнении промфинплана по руднику. Президиум чувствует себя не совсем удобно, да и вся конференция как-то пристыженно опустила голову.

Комсомольцы названы жалкими трусишками.

— Где ваш договор с ИТС на организацию общества «Техмасс»? Почему вы от него отказались? Струсили? — гремел Митраков.

В перерыв обступили Калачева.

— Опозорились, ребята, семь месяцев лежит договор, ИТС спит, и мы ничего не делали.

— Надо после конференции показать, что мы умеем работать, бороться за технику.

Эта решимость сквозила в речах комсомольцев-шахтеров, выступавших в прениях.

Надо завоевать технику. Это составная часть борьбы за экспорт.

ЗА ЖЕЛЕЗНУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ

Обломовщина

Настоящим бичом производства, приносящим вреда не меньше, чем прямое вредительство, являлись расхлябанность, безответственность, надежда на «авось». Этим подчас безответственным отношением организаций пользовался наш прямой классовый враг, старающийся всеми силами тормозить строительство социализма.

«Промысел Озерпах был осчастливлен «ударной» бригадой, присланной николаевским окружкомом КСМ. Когда бригадников поставили на мойку и чистку рыбы к корыту, то они показали меньше выработки, чем неударные и даже не соревнующиеся рабочие. За ними должна была тянуться остальная масса рабочих, молодежи, но после двух недель такого «ударного» темпа работы начались смешки, подначки. На собрании комсомольской ячейки, созванном по вопросу о состоянии бригады, бригадники были настроены упадочнически, просились домой и заявляли, что они не справляются с работой. Остальные члены ячейки настроены не лучше» (письмо агитгруппы крайкома «Боевые сигналы»).

Нытикам, маловерам вторил чужак, залезший в аппарат, спокойствие которого потревожено комсомольцами.

Станция Селиткан, Уссурийской железной дороги, является отправным пунктом, откуда Лестрест направ-

ляет всех едущих к нему на участки на непосредственную работу. Пять желтых станционных домиков с утра до вечера осаждаются толпой лесорубов. Заготовителя Бирюченко не так-то просто найти—для этого требуется по крайней мере потратить целый рабочий день.

В один из далеко не прекрасных декабрьских дней, когда мороз выдавливал из глаз слезы, на станцию приехала ударная комсомольская бригада. Комсомольцы еще в дороге услышали про странные повадки Бирюченко и решили действовать организованно. К вечеру ввалились все прямо к нему на квартиру.

— Здравствуйте.

— В чем дело?

— Мы — комсомольская бригада, посланная зейским окружкомом.

Бирюченко залебезил.

— Садитесь, не хотите ли чаю?

— Нам сидеть некогда, мы приехали лес валить. Нам нужны пилы, топоры, спецодежда и продукты. У кого получить?

С прораба как ветром сдуло приветливость. Чудесное превращение. Уже нет перед ошеломленными комсомольцами приветливого хозяина, перед ними суровый, важничающий, надувшийся, как индюк, чиновник, которому дано «карать и миловать».

— Вы работать,—сквозь зубы полупрезрительно тянет он.— Извольте зайти ко мне завтра в контору, там вас зарегистрируют и примут соответствующие меры.

«Соответствующие меры» принимались ровно две недели, пока возмущенные комсомольцы не дали телеграмму в окружком и прораб не познакомился с уполномоченным РКИ—после этого все нашлось.

На ряду с блестящими показателями работы комсомольцев по экспорту имелись случаи безобразного, подчас скатывающегося к вредительству отношения к производству. Прогульщики, рвачи, летуны, паникеры,

вредители — вот галерея позорных типов, пачкающих своим поведением работу ленинского комсомола Даль-края.

Промысел Джаоре имел кроме своих героев труда еще и «гидру», как их окрестили комсомольцы.

В икряном цехе мастер ругается:

— Опять Васьки нет, опять где-нибудь пьян, хоть бы вы что-нибудь сделали,—обращается он к секретарю цехачейки.

Вечером мойщица С. и икрящик Вася получили за прогулы строгий выговор с предупреждением об увольнении. Васька, заломив рыжую кепку, покачиваясь на ногах, в пьяном раже пытается сорвать приказ. Двое комсомольцев тщетно стараются успокоить буяна. Р-раз! Васька, изловчившись, бьет одного из комсомольцев по уху.

— Гнать его, гада, надо.

— Напился да еще издевается! — возмущенно зашумели рабочие.

Васька осел. Покачиваясь, пошел к выходу, обещаясь с кем-то «еще поговорить». Назавтра Вася вылетел с промысла.

Такие ударники по бутылке и в Павловском колхозе прогуливали по 40% рабочего времени. А рыба в это время шла. Спиртное море заливало отдельные промыслы.

Сегодня на Сучане необычайное собрание молодых прогульщиков. Райком схватился за это дело, когда цифра прогулов достигла угрожающих размеров. За 8 майских дней 431 прогул, из них 70% идут за счет рабочих моложе 23 лет и только 30% за счет старших возрастов. Докладчик без длинных речей зачитал собранный, сколько они прогуляли тонн угля. Слушатели поражены, вслушиваются в позорные итоги.

— Так социализм прогулять можно,—вполголоса бросил кто-то из зала.

— Почему прогуливают? — горячится комсомолец Силин. — На шахте пока была поденная работа, прогуливали по 100 человек в день! Чья вина?

— У нас выгнали комсомольца Кокозей за систематические прогулы с производства. Где же тут примерность комсомольцев? Не у кого учиться хорошей работе, да никто и не расскажет, как надо работать, ну и пьешь, — заявил один из прогульщиков.

Рыбалки, лесозаготовки, как сезонные работы, привлекали к себе много авантюристских элементов, которым абсолютно не дороги интересы социалистического строительства. Они выжидали только удобного случая, чтобы сорвать как можно больше, а там хоть трава не расти. Отдельные комсомольцы, менее устойчивые, из деревень, не переваренные в пролетарском котле, иногда подпадали тоже под настроение погони за длинным рублем, служа живым укором нашей слабой работе по отбору посылаемых на экспорт.

Некрасовский райком Хабаровского округа получил письмо ОК: «Организовать и послать на рыбалки 20 человек комсомольцев».

— Сидят, понимаешь, там в окружке и пописывают циркуляры, а где мы их возьмем, придется послать безработных, — рассудили в РК.

«Ударная бригада» была организована.

Занимаясь беспросыпной пьянкой во время пути следования, бригадники наконец прибыли на промысел «Петрова коса». После торжественных встреч с речами начались серые будни. Начались «ударные» темпы. Раньше группа рабочих выполняла один процесс работы за два часа, а теперь комсомольская ударная бригада ту же работу делает за три дня. Возмущенный завпром вызывает к себе бригадира.

— Слушайте, товарищи! Ведь вы же комсомольцы! Нельзя так работать! У нас промфинплан сорвется, ты понимаешь — промфинплан!

— Что мне до вашего промфинплана, до его выполнения. Я приехал заработать, — беспечно заявляет бригадир.

Группа рыбаков, глядя на ударную комсомольскую, не желает работать поденно, требуя сдельщины и высоких расценок.

Погоня за длинным рублем создавала особый тип людей, которые успевали за 5-6 месяцев облетать от 5 до 10 предприятий, ухитряясь везде получить спецодежду, продукты, создавая огромную текучесть в составе рабочей силы, принося огромный вред промышленности.

Были среди комсомольцев не только летуны, а были и прямые паникеры, испугавшиеся трудностей в работе и бросавшиеся спасаться кто куда может.

«В клубе промысла В.Пронги за столом, покрытым из-за неимения сукна красным пионерским знаменем, сидят трое. Товарищеский суд. Справа комсомолец Иванов, покуривая самокрутку, тихо поглядывает в зал, немного волнуется. Бюро поручило ему выступить общественным обвинителем по делу двух сдесертировавших комсомольцев (без разрешения ячейки ушли через неделю назад, домой). Сегодня они пришли за расчетом. Ячейка их задержала и устраивает показательный суд. Оба сидят обособленно в переднем ряду на скамейке.

Начинается допрос.

— Подсудимый В-ский, что вас заставило уйти с работы?

В-ский встает, стараясь усмешкой прикрыть свою растерянность.

— Платят мало, а работа тяжелая, а я не справляюсь, так лучше уйти.

Вопрос ясен. Адвокат (местный культурник) просит у суда смягчения наказания, так как подсудимые несовершеннолетне действовали. Горячится прокурор.

— Несознательные. Как обедать, так первые за ложку берутся! А на собрании кто больше всех кричал за ударные темпы? Нет, брат, они сознательные паникеры и дезертиры. Гнать надо таких.

После совещания судья, слегка запинаясь, читает приговор: «Именем ВЛКСМ... суд постановил тт. В-ского и Н. как дезертиров, спасовавших перед трудностями, сбежавших с трудового фронта, покинувших свой пост в момент обостренной классовой борьбы, напряженной борьбы за промфинплан, подвергнуть высшей мере наказания — политическому расстрелу — исключению из комсомола. Приговор может быть обжалован в трехдневный срок в бюро ячейки». Пауза. В зале напряжение. Подсудимые понурили головы.

— Голосуют все. Кто «за»? Кто «против»? Принято единогласно.

Возле конторы Калтухинского участка, несмотря на день отдыха, толпится добрая половина лесорубов. По толпе идет легкий говорок.

— Говорят, Москву ловить будем.

— Москву не Москву, а Хабаровск послушаем,—говорит техник, устанавливающий радиоприемник. Вечером в красном уголке полно. Громкоговоритель, вначале похрипев минут 20, наконец заговорил:

«Алло. Алло. Говорит Хабаровская радиостанция на волне в 80 метров, позывные РВ 17. Сейчас будет передаваться комсомольская радиогазета! Слушай, комсомолия!».

Все как-то придвинулись поближе.

«Первая идет статья «Комсомол на лесозаготовках».

— Про нас,—вполголоса подал реплику секретарь комсомольской ячейки.

«Комсомол на лесозаготовках стал подлинным начинщиком соревнования и ударничества. На ряду с этим

в комсомоле имеются случаи позорного дезертирства с трудового фронта. Вот они — трусы:

Ячейка Дежневки. При проведении мобилизации один комсомолец категорически отказался ехать в тайгу. Приехавшие в Хорский район 12 комсомольцев, когда их послали лесорубами, все разбежались. Они думали, что будут десятиниками, а в лес не хотели идти.

Комсомольская ячейка ст. Хунен исключила из комсомола двух сбежавших бригадников Кочкина и Пашкевича. По Николаевскому округу сбежало с лесозаготовок 12 человек, испугавшихся трудностей — все они исключены из организации».

— Здорово пушат дезертиров,—заметил в перерыв старик-лесоруб. — Вот бы и наших так трахнуть на весь СССР. Вот, мол, они, срывщики...

Труба басит дальше:

«Наш юнкор Волк сообщает: «В Бикинский лесозаготовительный район, в Калтухинский район...»

Ребята все от неожиданности рты разинули.

— Про наш участок, здорово.

«...прибыла комсомольская ячейка из села Глебово (Ленинский район) на работу в качестве лесорубов. С первого же дня ячейка начала «бuzить». Секретарь ячейки на третий день стал собираться домой, рассуждая, что-де мол «малый заработок, нехватает продуктов и т. д. и вообще дома лучше...» «Пусть работает в тайге тот, кому жрать и делать нечего», заявляет хором глебовская ячейка. Мы ждем от молодых комсомольцев-лесорубов Колтухинского участка ответа, что они сделали с рвачами и дезертирами», закончила труба свое обличение.

Долго шло вечером обсуждение по баракам сегодняшней радиопередачи. Главное удивление было во круг того, что в Хабаровске «узнали про наш участок».

— Радио, оно, брат, все может, — так резюмировал общее мнение старый лесоруб Степаныч.

Назавтра молодежь по первому зову комсомольской ячейки собралась отвечать «радио»:

«Глебовские комсомольцы подрывают авторитет комсомола. Таких рвачей надо гнать из комсомола, дезертирам с трудового фронта позор. Мы, комсомольцы и беспартийная молодежь, заявляем: «Как бы нам ни было трудно работать, но мы до окончания лесозаготовок с работы не уедем».

Участок Хулими считается наиболее трудным по сплаву. Надо было по узкой извилистой, капризной речонке гнать плоты на озеро Кизи. Комсомольская бригада, работающая на лесозаготовках, решила остаться вся на сплаве, «чтобы было сердце спокойное за срубленный лес».

Пошли к зав. лесзагом Грабовскому.

— Вы остаетесь на сплаве? Да ведь вы же никогда не работали на сплаве. Побьете все плоты и сами все потонете. Нет, уж лучше я поставлю старых опытных сплавщиков.

Пустили в ход все доказательства.

— Не боги горшки обжигают, комсомольцы тоже научатся лес сплавлять.

Уломав зава, с радостными лицами пошли плотить свой первый плот. Несколько раз у новых сплавщиков соскакивали ронжины с краев плотов, упрямые клинья не хотели держать то, что им полагается. Наконец вечером плот в триста бревен готов. Наутро комсомольцы под улыбочки стариков выпустили свой плот с бона и, подхваченные быстрым весенним течением речушки, понеслись вниз. Километров через пять первая неудача — плот одним концом в'ехал на мель. Пока ребята возились, их обогнал плот Михеича, гоняющего 4 десятка лет лес по речкам Дальнего Востока. Наконец стронулись, поплыли дальше — скоро озеро. Ребята решили обставить Михеича, взялись за багры, чтобы помогать ходу. Старика заело, тоже взялся за багры,

но комсомольский плот, взявши разгон за 100 метров до устья, обогнал старика и первым вылетел на озеро.

Комсомольская бригада в среднем выгоняла по 5 рублей в сутки, в то время как старые плотовщики больше трех с полтиной не получали.

Грабовский свое отношение к бригаде резко изменил.

— Как бы не перехвалил, — смеялись ребята, слушая как зав. лесзагом везде и всем ставит их в пример.

«Иваси — рыба нежная, требует при обработке ее особой тщательности и чистоты», — так гласит неписанное правило по разделке иваси.

— Нет правила без исключения, — решили рыбаки «Сучанского партизана».

И привезенную рыбу из сетей выбирают прямо на песчаный берег, где песок впитывается в нежную мякоть рыбы. Прямо с песком ее сгребают в носилки и несут насыпать в чан. В чану ее разгребают без милосердия обыкновенными деревянными граблями, с десятисантиметровыми зубьями. Сверху соль. В результате такой «разделки» в чану получалась каша из песка (10%), обрывков и кусочков рыбы (60%), соли (30%) и кое-где сиротливыми единицами попадаются отдельные счастливы-рыбешки, уцелевшие после яростной «разделки». В результате вместо экспортной продукции — 50% брака.

Комсомольцы, изучив причины брака, поставили вопрос на производственном совещании и добились устройства настила на берегу для выборки рыбы, споласкивания ее в носилках, устройства лотка над чаном (исчезла необходимость в граблях), и сразу брак упал до минимума...

ПРОФСОЮЗЫ И КОМСОМОЛ

Низовые профячейки на промыслах, в лесу, со слабым активом, совершенно неудовлетворительной перестройкой работы, с подчас чуждыми элементами, пролезающими в аппараты промкомов, рабочкомов, не всегда справлялись с задачей руководства соревнованием, с задачей организации ударных темпов труда и превращались иногда вместо руководителей рабочей инициативы в ее глушителей.

«В Зейском округе центральным районом лесозаготовок по справедливости считался Сивакский район. Туда окружком комсомола бросил основные силы мобилизованных комсомольцев. На Сивакском лесозаводе приехавшие комсомольцы решили организовать ударную бригаду и вторую ударную бригаду на бирже. Когда подбирали и организовывали две эти бригады, нащупали ребят для организации еще двух бригад — подкатчиков и грузчиков. Наконец бригады сколочены: все ребята подобралось как-будто проверенные, смогут потянуть за собой остальных. Четыре новоиспеченных бригадира пошли в рабочком.

— Организовали четыре бригады, помогите нам подобрать хорошие инструменты и вообще помогите нам!

— Молодцы ребята, — похвалил пред. — Из вас толк будет... А нам самим, честное слово, некогда сходить. Постараюсь на этих днях завернуть... — Так и «завертывал» до конца лесозаготовок пред. А бригада в это

время билась из-за плохого инструмента, иногда срывая всю работу из-за молодости и неопытности, так как руководила ими лишь одна комсомольская ячейка.

Живописным полукругом врезался залив «Америка» в крутой берег, спускающийся к морю Сихот-Алинскими сопками. Весь залив изрезан бухтами, бухточками и заливчиками. С восточной стороны в залив вливаются мутные воды Сучана. Место для лова рыбы в заливе очень удобное, и промыслы, как грибы, раскинулись по заливу. Поворотное, Козьмино, Врангель, Ченьювай, Находка, в каждой из этих бухт, на берегу, почти прислонившись к сопке, тянется засольный сарай, а возле него от 5 до 20 домиков, наполовину пустующих зимой и забитых до крыши летом. В разгар путины рабочих на этих промыслах работает до 2 000 чел. Больше 80 % из них не члены профсоюза. Поле для развертывания работы профсоюзов чрезвычайно велико. На каждом промысле рабочие выбрали промком. Комсомольцы взяли на себя инициативу этого дела. На всех пяти промыслах ДГРТ они — председатели промкомов:

— Понимаешь, брат, прямо не знаю, что делать, — жаловался предпромка барнаульский комсомолец Калинин своему другу. — Окружком союза ничего не пишет, райком то же, крайком то же, надо бы соревнование развернуть, хоть бы книжечку какую-нибудь прислали — ни черта нет, даже членские взносы собрал вот и не знаю, куда отправлять. Есть ребята, в союз хотят вступить и принять можно, опять же ни анкет, ничего нет. Не зря рабочие вчера назвали наш промком диким — он действительно дикий, никому до него нет дела...

Комсомольские организации учли необходимость оживления мощной пролетарской организации — профсоюзов. В решениях крайкома комсомола по мобилизации на лес и рыбу было предложено комитетам обеспечить не менее 10 % актива для выдвижения на профра-

боту. Надо было, и комсомол влил в организм профсоюзов свежую струю молодой, горячей энтузиазмом пролетарской крови, помогая профсоюзам перестроить свою работу — овладеть ударными темпами социалистического строительства.

На участке Халдами, как и на всяком участке, был рабочком. Происходили в нем заседания, разбирались вопросы, но рабочие питались всухомятку, красный уголок обслуживал пауков и крыс, лжеударная бригада долгое время красовалась на красной доске как ударная, соревнование умерло. При разворачивании работ число рабочих увеличилось и были назначены перевыборы рабочкома. Крепко досталось рабочкому и за столовую, и за уголок, и за соревнование, и еще много кое за что.

Старый состав переизбран. Пред, мобилизованный николаевский комсомолец, и еще три комсомольца попали в рабочком. Назавтра, посоветовавшись с ячейкой, взялись за столовку, послали одного в город за посудой, сами в это время взялись налаживать столы, подыскивать повара и организовывать красный уголок. День открытия столовой совпадал с днем организации ударной бригады. Двойное торжество. Рабочие, уплетая не совсем удавшийся (первый блин комом), но, главное, горячий борщ, нахваливали комсомольцев.

— Молодцы ребята, теперь видно, что у нас есть рабочком.

Приехавшие на промысел Кич-Чик комсомольцы твердо помнили задание николаевского окружка: «Для организованного и активного участия комсомольцев в работе промкомов организацию ячеек ВЛКСМ провести до оформления промкомов, добиваясь обеспечения выбора молодежи и комсомольцев в промкомы».

Ячейка оформлена. Назавтра выборы промкома. Комсомольцы выставили своих кандидатов и вывесили список в столовой на самом видном месте дней за пять до выборов. Кандидатуры прошли без особого труда. Вся

комсомольская ячейка взялась помогать вновь избранным профсоюзникам, налаживать работу. Дело пошло. По одному Николаевскому округу в промкомы были избрано на 20 промыслах 35 чел. комсомольцев и молодежи. Директива окружка была выполнена наполовину — комсомольцы избраны; надо еще целиком выполнить вторую половину — налаживать совместную работу с профсоюзами.

И ребята налаживали.

УЧИСЬ ХОЗЯЙНИЧАТЬ

Краевой комсомольской организацией верно была понята линия союза, данная VIII съездом комсомола — «боритесь за конкретные дела, создавайте комсомольские, опорные базы ударных, социалистических темпов труда».

Начинали с создания отдельных комсомольских бригад, переходили к цехам, сменам, показывая на живом конкретном деле всем маловерам, нытикам и оппортунистам, что даже в условиях Дальневосточного края с его чрезвычайно скудным производственным оборудованием, с недостатком кадров можно работать, можно выполнять и перевыполнять промфинпланы.

Комсомольские энтузиасты строительных будней превращали их в героiku борьбы за экспорт при пассивном сочувствии и подчас даже сопротивлении некоторых не в меру осторожных хозяйственников, доказывали, что «не в бороде дело», что отвоеванный комсомольской энергией конкретный участок социализма находится в верных руках.

Долго пришлось поработать комсомолу края, пока он завоевал свое право на звание хорошего хозяина, пока хозяйственники признали, что комсомолу можно доверять самые ответственные участки соцстроительства.

Зимой Сахалин отрезан от материка льдами Татарского пролива. Короткие сообщения по радио давали

знать Сахалину, что делается на материке, да изредка мрачное «SOS» затертого льдами американского китобоя на Северном побережье Камчатки — вот и все, что связывало на первый взгляд Сахалин с внешним миром. Когда над сопками гуляли свирепые норд-осты и плевков не долетал до земли, замерзая, «кистые сахалинцы» пили мертвецки, ухитряясь спать по 22 часа в сутки, просыпаясь на два часа исключительно для принятия пищи и водки. Так было встарь.

Сейчас Сахалин связан с внешним миром не только радио, он связан еще одним крепким звеном — выполнением задач социалистического строительства, выполнением пятилетки Сахалина в три года. Пульс этой связи бьется в такт пульсу сердца Союза — Москвы. Сахалин в этом году обязан заготовить экспортные кубофуты леса, чтобы можно было дать стране машины. Александровский район — один из основных районов лесозаготовок. Сюда — все внимание. В Александровском районе не все благополучно. Программа систематически не выполняется. Классовый враг, пролезший в заготовительные артели, взял под свое влияние часть несознательных рабочих, некоторые артели стали просить по пять копеек за кубофут, грозя уходом.

— Мы можем в другом месте найти работу, ежели что.

Время с каждым днем уходило, а лес... лес стоял, качая гордо вершинами и удивляясь людской нерасторопности.

В городе созывается общегородское комсомольское собрание.

Зал единственного в Александровске клубе набит напряженным людским составом, слушающим информацию Володи Петкевича о положении в Александровском районе. Впереди, врезавшись крепким клином в комсомольскую массу, завоевали места комсомольцы моторно-тракторных курсов АСО. Вчера у пилы, то-

пора, невода, сегодня у книги, мотора, завтра на трактор, мотор, чтобы выполнять пятилетку. Это лучшее, что есть в комсомоле, что могла собрать комсомольская организация со всего Сахалина. Напряжены лица, слушают такую знакомую и вместе с тем безрадостную повесть.

Володя кончил доклад призывом выделить из комсомольцев города лучших ребят и бросить их, сколоченных в бригады, на помощь лесозаготовкам. Зашевелились курсанты.

Первый поднялся:

— Чего там долго разговаривать, надо ехать и помогать. Я еду — вызываю всех курсантов.

— И я, и я... — посыпалось с первых рядов. Тут же на собрании сколотили две бригады. Завтра ехать.

Назавтра на подводах двинулись бригадники в поход на тайгу.

Договорились с администрацией, что отводят бригадникам отдельный самостоятельный участок.

Неприветливо встретила бригадников тайга. В бараке их все время оттесняли к дверям. По вечерам ударникам приходилось выслушивать град насмешек, классовый враг старался всеми силами сорвать работу ударников.

Утром вышедший на работу Ваня П-н обнаружил, что у стоящих в углу пил кто-то затупил все зубья. Рывком влетел в барак.

— Товарищи, нам кто-то пилы испортил, придется часа четыре точить. Какая-то сволочь удружила.

Вечером опять над бригадниками посмеивались:

— Что, ударники, вчера, наверно, камни пилами пилили?

Ребята, стиснув зубы, решили «доказать»...

Ударный комсомольский участок победил. За полтора месяца работы у ребят в среднем вышло по 400 кубофутов на пилу. Рабочие, настроенные вначале кулачем,

постепенно сменили насмешки на уважение к «сокомольцам», как их прозвал один из лесорубов. Все чаще и чаще вечером вокруг комсомольцев собирались группы рабочих послушать, как комсомольцы читают свою окружную газету.

Через полтора месяца комсомольские бригады, выправив положение в Александровске, собирали пожитки, чтобы перебраться в Хоэ. Провожали все рабочие. В напутственном слове рабочие просили бригадников заглядывать к ним, ибо они увидели, «как умеют работать комсомольцы». Управляющий преподнес комсомольцам грамоту.

Ударникам-лесорубам.

Две ударные комсомольские группы из числа курсантов моторно-тракторных курсов, работавшие в Александровском районе, показали себя активными бойцами трудового фронта.

Единой семьей, не считаясь ни с какими трудностями, несмотря на тяжелые таежные условия жизни, они всегда аккуратно выполняли возложенные на них обязанности. За проделанную работу администрация района выносит им благодарность и надеется, что они и в дальнейшем будут служить примером для всех.

Небольшие Кивдинские копи расположены недалеко от ст. Бурей. С трех сторон они омываются речушками: Бурей, Кивда и Тюкан. Рабочих работает около 250 человек. Есть и комсомольская ячейка. С весны начали комсомольцы добиваться выделения четырех комсомольских забоев. Долго тянулась волокита. То хозяйственник не давал (молодежь зашьется), то профсоюзы тормозили (выдумали тоже) и даже партиячейка «не советовала» (ослабите на других участках работу). Наконец уломали, и четыре забоя были переданы комсомолу.

Дали такие заботы, которые систематически не выполняли программы.

— Пласт крепкий, да и грунт не тово, — рекомендовали их старые шахтеры.

Однако комсомольцы решили и пласт взять и с грунтом справиться, чтобы он был «тово».

В первый же месяц добились полного выполнения программы.

Снизили себестоимость на 11,3 копейки, и теперь на «Кивдушке» уже никто не опасается, что комсомольцы «зашьются».

— Жалко, мало вас, а то бы отдали вам половину рудника, — таким языком теперь разговаривает с комсомольцами управляющий.

Комсомольская организация, накопив опыт хозяйничания комсомольцев, в комсомольских цехах, подселках, бригадах, стала переходить к созданию опорных баз социалистического труда и завоевывать под свое непосредственное хозяйственно-политическое руководство целые предприятия законченного типа: комбинаты, учлеспромхозы, заводы, ставя себе целью организовать из них не только показательные, образцовые, социалистические предприятия, но и кузницы кадров, готовящие хорошо квалифицированных рабочих, умелых хозяйственников.

Кому пришла первому в голову мысль сделать один из 11 комбинатов АСО, на Сахалине комсомольским — сказать трудно.

Скорее всего эта мысль явилась результатом коллективного творчества руководящего актива сахалинской окружной организации. Один из ребят однажды вечером, стоя у открытого окна после заседания бюро, подводившего итоги смотра ударных бригад, мечтательно вслух подумал:

— А не плохо бы, ребята, нам один комбинат АСО сделать комсомольским.

За эту мысль живо ухватились все присутствующие. Начались обсуждения, можно ли сделать, хотя сомневающихся не было и больше говорили о том, где сделать, какой комбинат взять в руки.

Назавтра принципиально договариваются. Комсомол в парткоме.

Долго выпытывал секретарь у комсомольцев примерные детали будущего комбината, вносил коррективы в «фантастические» части проекта и, не сказав на сей раз ничего определенного, послал:

— Потолкуйте в АСО, а я тем временем обдумаю.

В АСО решили брать быка прямо за рога.

— Как вы расцениваете работу комсомольцев-ударников, которые работают у вас?

— Действительно здорово работают, прямо чудеса делают. Так работать могут только комсомольцы, — согласились хозяйственники.

— Значит, можно ребятам доверять? — наседали комсомольцы.

— Безусловно.

— Ну так вот какое дело. Мы пришли к вам просить один из комбинатов АСО целиком передать в руки комсомольцев.

— Целый комбинат? Вы, того, это, пожалуй, здорово загнули! А где вы думаете организовать?

— Мы пока не решили, пришли в принципе договориться.

— Ага... — обрадовался зампред возможности отделаться от настойчивых комсомольцев, — так вы сначала подработайте, где, как и что. А потом будем обсуждать.

Выругавши в душе бюрократом зама, комсомольцы решили не сдавать. Обратились в ИТС, — там отнеслись к комсомольской затее очень сочувственно. Через три дня схематическая картина комсомольского комбината готова. Он будет расположен по побережью

Татарского пролива, на участке Агнев—Владимировка, с огромным лесным массивом, с программой одной четверти всех сахалинских лесозаготовок, около 20 000 кубометров, с расчетом постройки нового четырехрамного лесопильного завода. Побережье удобное для морского лова рыбы—в наметки будущего комбината включена постройка мощной морской рыбалки—на 10 000 центнеров в год. На территории будущего комбината расположены мощные залежи высокосортного каменного угля, предварительные разведки которых показали наличие угольного пласта огромной мощности.

Тысяча гектаров удобной пахотной земли.

План ориентировочный сверстан... Опять в АСО.

— Проект плана готов!

— Уже? — удивились в АСО люди, не привыкшие к таким темпам работы.

Наконец план одобрили, промариновав два дня. Партком «за».

— Смелее, комсомолия. Только сейчас же надо посадить директора, — наемкнули в парткоме.

Надо было, что называется, парня-гвоздя, который бы мог душу вложить в это дело и который имел бы хоть некоторый опыт хозяйственной работы, так как бюджет комбината около пяти миллионов. Шутка ли? Решили утвердить работающего по заданию крайкома партии члена президиума ДКСПС комсомольца-горняка сучанского Васю Лепского.

Парень хороший, а что он работает представителем от комсомола в ДКСПС—ничего, как-нибудь уговорим крайком отдать его нам.

Решено.

Завтра окружная конференция. На конференции много говорили о комбинате. К прежним плановым наметкам добавили молочную ферму на 150 голов, птицеводческое и кролиководческое хозяйство.

— Это первый большой опыт, когда комсомольская организация сама непосредственно взяла в свои руки управление большим производством на основе подлинно большевистских темпов работы. Надо этот опыт оправдать, — поставил перед комсомолом в упор задачу представитель парткома.

После конференции четыре часа на самолете (раньше на этот путь нужно было от 5 до 15 дней), и руководители сахалинского комсомола в Хабаровске. Там решили:

«Одобрить инициативу Сахалинского окружкома, мобилизовать внутри края 400 человек комсомольцев для комбината и считать необходимым из мобилизуемых ЦК ВЛКСМ на Сахалин 1 200 выделить для комбината не менее 400 человек. Лепского отпустить для работы директором комбината».

В комнате массово-экономического отдела крайкома обосновался штаб мобилизаций на Сахалин. Отвоевали уголок строителей под помещение для мобилизуемых. Потекли со всех концов Дальнего Востока комсомольцы в свой комсомольский комбинат. В комбинате закипела работа. Строятся бараки для общежития, больница, клуб, устанавливается радио, строится дорога Агнев — Владимиров на 40 километров, две бани, пекарня. Развернутая сахалинцами разъяснительная работа всколыхнула массы комсомольцев, беспартийной рабочей молодежи, казалось, весь комсомол края собрался ехать на Сахалин. Приходилось сдерживать напор желающих ехать.

В крайком потекли десятки телеграмм, писем: «Желаю ехать на Сахалин».

Конкретный участок приковал к себе внимание всей организации и вызвал к жизни волну энтузиастов конкретных дел. С легкой руки сахалинского комсомола идея конкретных участков начала распространяться по краю.

Уже организован в Шмаковском районе комсомольский лесозавод с тремя сотнями рабочих, организован комсомольский учлеспромхоз, в котором будут работать около тысячи рабочих. Директора—комсомольцы. Дела героинки строительных будней.

«Уссурийский лесопильный завод № 2 реорганизовать в ударный комсомольско-молодежный завод, поставить перед последним задачу перестроить работу, с тем чтобы завод стал кузницей кадров лесной промышленности, школой политического и производственного воспитания рабочей молодежи, примером в стопроцентном выполнении и перевыполнении промфинплана на основе социалистического соревнования и ударничества и других новых методов работы в производстве (рационализация, изобретательство, повышение квалификации). Задача заводской ячейки — стопроцентное вовлечение в комсомол беспартийной рабочей молодежи на основе активного участия в производстве, социалистическом соревновании и ударничестве».

Так определены районной конференцией комсомола задачи завода № 2, отныне именуемого заводом ударно-комсомольским.

В аппараты, руководящие экспортной промышленностью, пролезли люди, которым абсолютно нет никакого дела до экспортных программ, герои двадцатого числа, чеховские человечки в футляре. Буквально рабочими темпами работали отдельные руководящие аппараты.

Наличие явно правой темпобоязни в верхушках аппаратов приводило к полной бездеятельности низов или к фактам «административного восторга», к вывертам героев щедринского Глупова.

Каждое новое начинание, каждый всплеск рабочей инициативы и самостоятельности встречали с недоверием:

— А как бы чего не вышло...

Понадобилось много усилий партии, рабочего класса, всех его организаций, чтобы хоть немного сделать аппараты боееспособными, хоть немного заставить их заниматься вопросами производства.

Но классовый враг упорно сопротивляется, маскируясь под всякими личинами, и кроме чистки надо делать систематическую проверку боееспособности аппаратов.

В борьбе за экспорт проверялись все организации, в том числе и комсомол.

В глухом урочище Панихезы, где бараки лесорубов затерялись в таежной чаще, кипит жизнь. Со звоном грохаются кедровые шишки о землю, урчат по медвежьим тропкам, проваливаясь в снег, выволакивая из недр тайги дальневосточное зеленое золото — лес. Сиротливо приткнулись у тракторного гаража 12 коммунаров, с завистью и укоризной поглядывая на своих товарищей, подминающихся под себя гусеницами рыхлый снег.

Трактористы сидят, покуривают и вслух кроют администрацию, не позаботившуюся завести горючего.

— Вот сиди теперь четвертый день без дела.

— Надо об этом в рабочком заявить, чтобы приняли меры против таких... — горячится комсомолец Иванов.

— Эх, милый,—качает головой старик-сторож, охраняющий гараж, — с сильным не борись, с богатым не судись.

Иванов думает не так; сам он рабочий Спасского цементного завода, крепко помнит наказ ячейки: «Борись всеми силами с неполадками, развивай самокритику невзирая на лица».

Вечером он в рабочком, там же завтехчастью Экерман. Иванов к нему.

— Тов. зав, почему такое безобразие, почему нет горючего и тракторы стоят столько времени?

— А ты откуда знаешь, что горючего нет?—огрызается ярый поклонник выпивки с лиловым носом.— Может это особые хозяйственные стратегические соображения, а горючее, брат, у нас есть.

Комсомолец-тракторист, сам утром проверивший все цистерны, что называется собственноручно, убедившийся в их пустоте, продолжает выпытывать у подвыпившего «стратега», кто же все-таки в этом деле виноват.

Со стороны к спорившим начинают присоединяться рабочие, явно идущие против «стратега». Экерман свирепеет:

— Как! Какой-то мальчишка, сопляк, молокосос, осмеливается читать мне, Экерману, нотации? Нет, я с тобой посчитаюсь, я тебе покажу, как распространять секреты производства!

Экерман круто повернулся и вышел, хлопнув дверями, оставив комсомольца и рабочих в недоумении.

— Да это еще что,—прервал молчание молодой тракторист Симонов.—Со мной один раз штуку отмолил, так это да. Дежурил я по гаражу. Часов в 12 ночи слышу кто-то идет. Я за бердану, окликнул. Оказался «Экерман». Вы чего, говорю, хотите, Август Андреевич, посты штоль проверяете? — «Подошел, а от него как из винной бочки прет». — «Я, говорит, ездить на тракторе буду».

Крутил, крутил заводную ручку — не слушает трактор пьяного зава. Он на меня: «Выливай, кричит, керосин». Я было уговаривать. Куда там, вытащил наган. «Я, кричит, зав, я отвечаю». Выпустил весь керосин, потом снова давай наливать—так до самого утра шухарился,—закончил рассказчик.

Понурился, крепко задумавшись, сидел Иванов а в голове мысль: «Не только головотяп, а еще к тому же вредитель». Наутро по какому-то делу пришлось забежать в контору. Возле доски с объявлением собра-

лись рабочие. Глянул, протер еще раз глаза — нет, в самом деле в сегодняшнем приказе черным по белому написано: «Трактористу Иванову объявляю выговор за разглашение недостатков». Только после вмешательства в это дело РКИ была раскрыта теплая компания, срывавшая лесозаготовки. До этого комсомольская ячейка организовала три полулегальных (так как администрация всеми мерами тормозила работу групп) налета легкой кавалерии РКИ, которая выявила массу неполадок как в самой работе лесозаготовок, так и в культурно-бытовом обслуживании рабочих.

Никогда еще кедровые Панихезы не видели такого бурного собрания (даже во времена партизанщины было тише). Помещения, могущего вместить всех желающих, не нашли; поэтому собрание, несмотря на мороз, проходило на улице. Доклад. С докладом комсомольской ячейки о фактах, выявленных легкой кавалерией РКИ.

В прениях наконец прорвалась долго сдерживаемая искусственными запорами самокритика. Мнение у всех единодушное: «Вредителей, головотяпов надо гнать из лесу».

Постановление еще короче: «Снять с работы начальника тракторного отряда, помощника и бригадира, как разлагающих работу отряда. Вместо снятых выдвинуть начальником отряда комсомольца-тракториста тов. Иванова как лучшего ударника, помощником — тракториста-комсомольца Синявкина и бригадиром — тракториста Селиверстова».

Вечером в бараке, когда новому начальнику жали с поздравлениями руку братва-трактористы, подошел с виноватым видом старик сторож:

— Ты уж, тов. Иванов, не серчай на меня за мою глупую поговорку, я маленько ошибся в тебе, думал ты так—трепло, потрепешь, да и ничего не сделаешь, а ты вон брат какой, — улыбнулся старик, — со своими

комсомольцами всю тайгу перевернул... И работаете вы как-то по-скорому: все у вас горит в руках, ну-ну,— закончил старик, покачив головой.

Неповоротливость, нераспорядительность плюс напряженность с рабочей силой создавали в некоторых местах заторы, «пробки». Особенно это было с лесом. Рабочие не успевали погрузить, не успевали выкатить из рек срубленный и сплавленный лес. Лес стал под угрозу замораживания. Опять тревога. В печати все чаще замелькало: «В Хабаровске пробка». «На Бикине пробка». «На Хору пробка». «Опять пробка в Покровке». Партия мобилизует коммунистов на выкатку, погрузку.

Комсомол подхватил клич партии, мобилизует на наиболее опасные участки работы комсомольцев-ударников со всего края. Каждый районный комитет бросает комсомольцев на ликвидацию пробки. Каждый день приносит вести.

«13 августа сводная комсомольская бригада в составе 200 человек провела «день индустриализации» выездом на Черновские копи по ликвидации прорывов».

«Партийно-комсомольский актив Сучана, работающий в аппаратах райкома, объявил себя мобилизованным на работу в шахту № 10, где острее других шахт ощущается недостаток шахтеров».

Чувствуется огромная напряженность всех сил рабочего класса.

«В пяти километрах от ажурных пролетов величайшего в СССР Амурского моста раскинулось небольшое село Покровка».

Теперь Покровку знает весь край. Благодаря неповоротливости, головотяпству и другим «объективным» причинам со стороны Крайлестреста десятки тысяч кубометров экспортного леса не были вовремя сплавлены и теперь недостаток рабочей силы ставит лес под угрозу замораживания. Сиротливыми журавлями стоят

стрелы Молгачева, повисли уныло лапы клещей без пищи. Наши браконьеры, зная требовательность иностранного рынка, неумолимы по части всяких сбоях на бревне, почти весь лес надо торцевать, а торцевать-то и некому.

Кроме того лес надо выбирать (экспортный отдельно, на местный рынок отдельно). Конечно лучше всего бы это можно было сделать во время выкатки, но какой-то «делец» из Крайлестреста распорядился сваливать весь выкатываемый лес в одну кучу: «Время горячее, разбираться некогда».

А теперь надо убить в четыре раза больше времени на сортировку, чем при выкатке. Жилищ для рабочих в Покровке нет. В таких условиях пришлось разворачивать свою работу и ударным комсомольским бригадам, мобилизованным ДКК ВЛКСМ.

С первых шагов бригада взялась за организацию питания. Хабаровское ЦРК, несмотря на все первоначальные отговорки, все-таки организовало столовую. Нашли палатки, приспособили их под жилье. Утром рано возле выкатки группа рабочих обсуждает, чья очередь лезть в воду. Охотников нет. Вода в начале октября сковывает движение, лезть надо на глубину до 1½-2 метров. Мобилизованные комсомольцы первыми молча, без всяких споров бросаются в воду, за ними, увлеченные горячностью комсомольцев, остальные рабочие. Плот выкатан на берег. Беспрерывно повертываются стрелы, подхватывая своими коршунообразными крючковатыми лапами бревно как соломинку, заполняя вагон за вагоном. Комсомол вытаскивает штопором энтузиазма ударной работы созданную бюрократами и головотяпами лесную пробку».

«Зая заливает берега. Заготовленный на берегу лес уносится разбушевавшейся рекой... Немедленно мобилизуйте всю городскую организацию на борьбу с наводнением, на спасение леса». Такой коротенький при-

каз получила городская свободненская организация комсомола.

Разбушевавшаяся Зей из светлой небольшой речки превратилась в громадное грязножелтое море, несущееся с неудержимой быстротой. Быстро отступали берега под натиском Зеи. Все песчаные косы исчезли под водой.

Сваленные бревна, к которым подкатывалась Зей, вначале начинали шевелиться как ожившие, потом отчаливали от гостеприимного берега и вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее, разворачиваясь на ходу, устремлялись к Амуру, чтобы потом, когда спадет вода, очутиться на вершине вербы. Вода забирала все на своем пути.

В ночь под 31 июля по Свободному носились какие-то тени, с быстротой метеора исчезая в калитках, в дверях домиков, взбудоражив собачье население города, оглашавшее неистовым лаем весь город. Секретари ячеек собирали своих комсомольцев по тревоге, заключив между собой договор после совещания в РК на скорейший сбор своей ячейки. Иногда можно было наблюдать такую картину: взлохмаченная фигура отчаянно барабанит в двери домика, поднимая всех на ноги, чтобы убедить, что...

— Петрова? Да она еще месяц тому назад переехала совсем в другой конец улицы.

Секретарь, чертыхаясь ищет переехавшую.

— Черти,—ворчит он.—сколько раз говорил, сообщайте при переезде квартиру. Так нет! Вот теперь бегай и ищи.

К утру 80 человек ударной роты по борьбе со стихией готовы. Короткое разъяснение задач отряда. Распределение сил. 42 человека на «лесовозы», т. е. попросту на 12 старых, прогнивших рыбацких лодках ловить и подвозить к берегу лес, остальные—откатывать и закреплять пойманный лес.

Вот один из «лесовозов», направляемый неопытным, но гордо сидящим с веслом в руках «штурманом», никак не может отвернуться от налетающего на него сверху бревна.

Трах! «Лесовоз», покачнувшись, зачерпнул левым бортом половину лодки воды. Но зато виновник катастрофы заарканен и торжественно тащится на буксире к берегу. Вот другой «лесовоз» тащит на аркане 12 бревен и не может перебороть течение и, несмотря на то, что гребцы и «шкипер» из кожи лезут, упрямо сносится с добычей вниз. Пришлось горлом давать сигналы бедствия и просить соседей помочь дотащить добычу до берега. На берегу растут штабеля. Стихия уступает добычу комсомолу. Зейские бурлаки-комсомольцы во всех работах проявили себя истинными ударниками, своей неутомимостью и трудовой сноровкой удивляя взрослых рабочих.

Девушки тоже не отставали от общих ударных темпов работы.

Упаренные рабочие не раз предлагали комсомольцам:

— Покурим, ребята, что ли, передохнем маленько. И куда вы, черт вас знает, так гоните.

— Ничего, это в первые 20 минут, а потом осядут, силенки-то небось нехватит, — посмеивались некоторые.

А через 4 часа ударной работы без отдыха рабочие уже посмеивались над собой:

— Что, Митрич, песок начинает из тебя сыпаться?

— Да, брат, начинает пена итти.

Старик-рабочий, остановившись закурить и вытирая выступивший на лбу пот, рассуждает вслух:

— И откуда сила у пареньков, так и прут, так и прут, а ведь работают-то даром.

— На себя, дядя, работаем. Свое хозяйство спасаем, — ввернул реплику подвернувшийся под руку комсомолец.

Каждый район давал все, что есть лучшего, на ликвидацию пробок.

Из вагонов, стоящих на угольном складе Бочкарево, вместе с лопатами угля вылетает веселый смех, песни. Кучи угля по сторонам вагонов заметно вырастают. Это районная комсомольская конференция, в перерыв между утренним и вечерним заседанием, ликвидирует одну из многочисленных пробок на транспорте.

Нет сейчас показателей, сколько отработали комсомольцы дней, часов по ликвидации пробок. Да в этом нет и необходимости, так как не было такого района в крае, в котором бы не было по десятку отработанных дней на каждого комсомольца. Был фронт в тылу, на стройке, были и герои.

Создание массовых отрядов по борьбе с пробками, опыт, накопленный комсомолом в этой огромной работе, выдвинули высшую форму ударной работы комсомола — социалистический городок.

Через бухту «Золотой Рог» из города видно беспрядочно нагроможденную кучу зданий на горе. Ближе к берегу длинные серые поблескивающие на солнце цинковые пакаузы и на самом берегу огромные штабеля экспортного леса, ожидающего своей очереди погрузиться на пароход и уплыть в Японию, Америку, Англию, Китай взамен ввозимых нам машин. Морские великаны, застыв неподвижно, на тихой, чуть подернутой рябью поверхности бухты, терпеливо ждут нищии для своих прожорливых трюмов. Приходится простаивать подолгу. Лесу, пароходов много, людей нет.

На Мысе-Чуркине, на перевалочном складе, создавалась пробка. «Экспортлес» провалился с выполнением промфинплана. В безалаберной погоне за количеством, не считаясь со сроками доставки различных сортов леса, гнали материал и загружали местность экспортлесовские поставщики. Была надежда: «Во Владивостоке

до чорта рабочей силы, Владивосток справится». Владивосток не справился. Самотек привел к катастрофе.

Огромная площадь оказалась перегруженной до отказа, закрылись все ходы и выходы между штабелями, некуда было девать вновь прибывающий материал, а лес все шел и шел.

Так создалась пробка.

С наличными кадрами рабочей силы не было ни малейшей возможности ликвидировать создавшуюся пробку. Об этом не приходилось и думать. Тогда «Экспортлес» стал кричать, «Экспортлес», расписавшись в своей беспомощности, начал метаться в запоздалых поисках выхода.

А выхода не было видно.

Возможно, что очень долго, до хрипа пришлось бы кричать «Экспортлесу», если бы его призыв «помогите выдернуть пробку» прошел мимо ушей комсомола. Но призыв был услышан и подхвачен всей окружной владивостокской комсомольской организацией. На борьбу с пробкой выступил комсомол.

— Есть! Покажем, братва, темпы комсомольской работы. Покажем, что значит ударничество и соревнование. Помножим свою инициативу на молодежный энтузиазм и с корнем полетит пробка, — так говорили резолюции, принимаемые общими комсомольскими собраниями.

За этими словами последовало дело — живое дело рук комсомольских организаций. С превышением выполняли районы данную им разверстку.

Так родилась, выросла, окрепла и претворилась в плоть и кровь идея социалистического городка.

На вокзале в Никольске ударников провожали комсомольцы и рабочая молодежь. Выражали уверенность, что комсомольская бригада справится со своими задачами по ликвидации пробки.

— Мы знаем, куда и зачем едем, знаем, что от нас требуется, знаем, что темпы нужно утроить, и мы это сделаем, — так заверяли остающихся мобилизованные ударники.

Обязательство, данное комсомолом, не может остаться невыполненным. Это блестяще доказали ударники — будущие граждане социалистического городка.

Они с лихвой оплатили предъявленный им вексель — вексель на сверхамериканские темпы. Под крепким комсомольским напором затрещала, стала подаваться и не выдержала — вылетела пробка. Преобразился Мыс-Чуркин, «приобрел вид и тон», — так говорят ребята-ударники.

Теперь Чуркина не узнать. Он обновился, омолодился.

Он сверкает, он блестит стоящими в порядке штабелями, он гордится образцовым порядком бревен, подготовленных для погрузки на пароходы. Да и сами пароходы теперь не простаивают лишних часов и дней.

Хозяйственников буквально ошеломили результаты, достигнутые ударниками (ударники все по приезде разбили на бригады и были поставлены на наиболее трудные участки работы). Бригады ударников превышали своей работой суточные задания на 10—20 и больше процентов.

— Ай, ударники! Ай, сукины дети! Ай, чертенята!

Так по-товарищески, ласково похлопывали по плечу молодых рабочих взрослые грузчики. И к этому добавляли:

— Стыдно нам и даже позорно отстать от этих чертенят. Ведь они всю выработку вверх дном перевернули...

Шаг за шагом, незаметно, не словами, а делом разбивали наголову ударники закоренелые чувства недо-

верия и снисходительного презрения у старых квалифицированных рабочих в тех случаях, когда речь идет о молокососах, о несовершеннолетних.

Работая плечом к плечу со взрослыми, ударники завоевали себе полные «права гражданства».

Старый сад «Италию», где в аккуратно распланированных палатках живут ударники, не узнать, как не узнать и всего Мыса-Чуркина. Там, где совсем еще недавно процветали «на лоне природы» пьянка и драки, теперь после рабочего дня шумливый молодежный отдых.

В одном месте идет шахматный турнир, сосредоточены лица, приглушены восклицания, которыми выражают свой восторг зрители, и опять тишина. В другом будущие творцы стенгазеты социалистического городка делятся материалами, систематизируют их... скоро выйдет газета. Там занимаются проработкой решений XVI партсезда. Там занимаются проработкой решений XVI партсезда, здесь на открытой площадке под руководством инструктора физкультуры закаляются, впитывают в себя лучи и жару июльского солнца, которое так редко заглядывает на Мыс-Чуркин.

Вот часть физкультурников идет купаться, вызывая своим курортным видом (трусы и купальные костюмы) шипящее негодование местных кумушек (кумушки есть и на Мысе-Чуркине). Городок имеет купальню, здесь загорают, учатся плавать, нырять, спасать утопающих. Здесь шлюпки, учеба в гребле и в плавании с парусами. В социалистическом городке твердый распорядок дня. Время строго регламентировано и рассчитано. Питание коллективное.

Ребята обжились. Дом забыт. Многие забракованные врачебной комиссией не хотели уезжать домой.

Готовят водяной праздник, готовят иллюминацию, шлюпки, проверяют блоки, фалы, паруса. Доморощенные пиротехники пыхтят над фейерверком. Возле палаток тишина. Окружающим их спокойствием они сра-

зу привлекают к себе внимание. Здесь отдыхают пришедшие с ночной смены, здесь набираются силы для новой работы.

Их сон не тревожат.

Около одной из палаток движение... Оказывается, перед отдыхом ребята подсчитывают свою выработку и процент перевыполнения задания. Утренняя смена спешит одеться, умыться.

В городке обитает немного больше шестисот людей, из них 76% комсомольцев и 24% беспартийных.

На фронте не без жертв. Сегодня городок хоронит Петю Стояна, ударника 4-й комсомольской бригады, работающей на причалах «Экспортлеса». Во время погрузки леса Петя Стоян был сброшен тропом в трюм парохода и разбился.

История его жизни ничем не отличается от истории миллионов рабочих ребят. Полуголодное детство. Работа на заводе. Как ударника профорганизация посылает на учебу в ВИТ. Комсомол мобилизует против пробки. Петя, будучи беспартийным, одним из первых откликнулся на призыв комсомола — идти на трудовой фронт.

«Ударники социалистического городка не забудут Петра Стояна, который со всем пылом молодости и энергии истинного пролетария дрался на трудовом фронте. Смерть твоя, смерть героя на посту, не испугает нас, а еще больше сплотит в нашей работе. Над могилой павшего борца мы даем обещание не уходить с наших постов до полной ликвидации пробки экспорта...»

Вечером на комсомольском собрании отчет коллектива о проделанной работе. С напряженным вниманием слушают каждое слово. Комсомольский социалистический городок должен сыграть огромную роль в накоплении опыта бытовой работы, опыта коллективной работы и жизни.

«Мы все болеем за наши недостатки и стараемся скорее выздороветь от них, так как болезнь одной бригады — это болезнь всего городка».

«Наш быт, наша совместная работа и жизнь вызвали много сплетен и подглядываний из-за угла. Обыватель, кумушки Мыса-Чуркина очень хотели бы увидеть у нас беспорядок, пьянку, неразбериху в делах. В их мировоззрении не умещается жизнь и работа коллектива», — так пишут жители комсомольского городка.

Выполнение контрольных цифр лесозэкспорта на Мысе-Чуркине находится в молодых и надежных руках ударников владивостокского комсомольского социалистического городка — в руках ленинского комсомола.

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ КУЛЬТУРУ ЗА, ЗДОРОВЫЙ БЫТ

Мобилизация и перераспределение сил комсомола в экспортных отраслях промышленности края являются не узкими мероприятиями, рассчитанными на обеспечение рабочей силой слабых мест производства, а мероприятиями громаднейшей политической важности и беспредельной широты в смысле круга работы, потому что мобилизованные в четыре экспортных похода должны были явиться «мастерами на все руки», застрельщиками и инициаторами социалистического соревнования и ударного движения, вдохновителями и организаторами рационализации производственных процессов, ликвидаторами малограмотности и неграмотности, режиссерами и артистами, библиотекарями и командирами, организаторами здорового досуга и быта, пионерами общественного питания... в общем походники-комсомольцы должны были быть закваской движения рабочих за лучшие производственные показатели и вместе с тем хорошими дрожжами культурной революции.

Было ясно, что организация здорового быта и разумного проведения досуга находится в прямой и непосредственной связи с повышением производительности труда, ликвидацией прогулов и снижением себестоимости, и поэтому на оживление и развертывание ранее почти отсутствовавшей культурно-массовой работы среди рабочих должна была в первую очередь

направиться молодая задорная сила из неисчерпаемого источника комсомольской энергии, мобилизованной на выполнение и перевыполнение экспортной программы края.

К решительной и неотложной борьбе за здоровый быт призывали мобилизованных комсомольские окружные и районные комитеты.

Вот помятая, истрепанная, с оторванной коркой записная книжка одного из мобилизованных на лес комсомольцев читинской организации, и в ней на первом листке записано:

«Собрание окружкома 30 января. На лесозаготовках развернуть работу по культурному и бытовому обслуживанию лесорубов. Организовать разные кружки, громкие читки, выпустить стенгазету, наладить общественное питание и отремонтировать общежитие.

Это надо обязательно сделать».

Да, именно, *это надо обязательно сделать*. И несомненно, что обладатель этой записной книжки, будучи сам не особенно грамотным, твердо решил «разбиться в доску», а задание окружкома выполнить с честью.

Некоторые комсомольские комитеты провели внутреннюю мобилизацию с известным отбором и рядом предварительных мероприятий (семинарии, краткосрочные курсы и т. д.) специально на культурно-массовую работу.

Однако эта мобилизация культурников была столь незначительна, что несколько не изменила общего положения и не ослабила ответственности за проведение культурной революции мобилизованных на непосредственную работу на производство. Это было тем более необходимо потому, что большое количество рабочих лесной, рыбной и даже угольной промышленности находились в плену трюфелевого туза, бутылки водки и ножа...

Местность, вся сплошь покрытая ядреным экспортным лесом, с пнистой полянкой и покосившейся фанзой Чжао Хай, не помечена ни на одной географической карте.

Это и есть глухое урочище Малого Самона, славящееся богатыми лесными разработками. Сотни китайских и русских рабочих, почти оторванные от мира, рубят лес, который потом из Декастринского порта увозят грузные пароходы японского и английского торгового флота.

Утомленные трудной, истощающей силы работой, шли несколько русских и китайских рабочих развизной походкой по узкой тропинке, ведущей к фанзе Чжао Хай.

Давно уже заметила легкая кавалерия комсомольской ячейки, что неладное что-то творится с комсомольцами Васильевым и Лавенковым: стали замкнутыми, злыми, на работу выходили с сонным, усталым видом, участили прогулы.

Обсудили этот вопрос на закрытом заседании легкой кавалерии и решили проследить, куда ходят каждый вечер Васильев и Лавенков.

Сказано — сделано.

Акт

«7 февраля 1930 г. мы, легкая кавалерия при ячейке ВЛКСМ Декастринского района, урочище Малый Саймон, в присутствии своих членов: Петракова, Долгих, Божко — произвели налет на фанзу Чжао Хай участка № 2 и при налете обнаружили игру в карты на деньги. Отобрано 48 штук карт и 21 рубль денег. При опросе фамилий, кроме 4 человек (в фанзе было 12 чел.): Чжао Хай, Ли Фа, Васильева и Лавенкова, отказались отвечать.

О чем составили настоящий акт.

Группа легкой кавалерии: Долгих, Батраков, Божко».

Все это явилось результатом того, что на урочище нет клуба, красного уголка, нет вообще какого-нибудь вида культурного развлечения и рабочие, не зная куда девать свободное время, увлеклись азартной игрой в карты, систематически недосыпая и оставляя потом заработанные червонцы в фанзе услужливого, предприимчивого Чжао Хая.

Самая быстрая река Дальнего Востока — Хор, которая в 1920 г. вдребезги разбила мощный японский мотор, славится тем, что одна треть ее уходит под землю, и часто зазевавшиеся сплавщики остаются без плотов.

В верховьях этой реки, теряющейся в огромных лесных массивах, которые еще совсем недавно не знали человеческого следа, сейчас расположились строем «в затылок» несколько новых, еще пахнущих прекрасной живностью тайги, неуклюжих барakov, и район, в несколько километров в диаметре, оживился и заговорил языком топоров и мерным дыханием гусеничных тракторов... Здесь заготавливается экспортный лес в Японию.

Триста рабочих, объединяемых профсоюзом сельхозлесрабочих, с семи часов утра и до пяти вечера, работают в тайге, выполняя задание правительства и партии.

После конца работы, когда на смену солнца выплывает луна, рабочие крупными и мелкими партиями направляются трактом и тропинками к баракам.

Рабочий день окончен, свалилась гора с плеч администрации.

В бараках, закоптелых и грязных изнутри, — шум, гам, матерная ругань пьяных, охрипших голосов, визгливый плач ребят.

...Пропадай, моя тальянка,
Все... четыре колеса...

Администрация и лесрабочком строчат в край информационную сводку: «Благодаря пьянству трактористов 12 тракторов в течение 6 дней стояли...»

В 120 километрах от ст. Бикин затерялась в густом, почти непроходимом лесу пятидворовая деревушка Мадагоу, население которой сплошь состоит из лесорубов, приезжих и здешних, ранее занимавшихся «по мелочи» рыбной ловлей, гонкой смолы и охотой. На отлете деревушки, как-будто в судорогах, прижался к земле дряхлый, полуразвалившийся дом. На неоткрывающейся половинке входной двери прибита квадратная дощечка, на которой выведена готическим шрифтом надпись: «Красный уголок», а параллельно вывеске — легко открывающийся американский замочек.

Рядом с красным уголком, в только что отстроенном доме обосновалась администрация и контора лесозаготовительного участка. В конторе светло, но грязно и накурено.

У входа толпятся, с ноги на ногу переминаясь, несколько рабочих, а в правом углу в ящике для сора сброшена куча популярных брошюр — «Как читать крестьянину газеты», «Как стать грамотным» и несколько стоп «Крестьянской газеты» и «Тревоги», и как будто в насмешку висит над этим ящиком красочный плакат «Помни о колдоворе».

На столах конторы валяются неразрезанные «Огонек», «Вокруг света».

В темных же и грязных бараках нет ни одного плаката и лозунга, рабочие выпрашивают у приезжих газеты и питаются подчас распространяемыми местным кулачеством нелепыми антисоветскими слухами о внутреннем и внешнем положении страны.

Однажды утром, когда первые лучи восходящего солнца выглянули из-за горизонта, в группе направля-

ющихся на работу рабочий Савельев, с заткнутым за кушак топором и дробовиком наперевес, пристал к корейцу Цой:

— В сторону: видишь, я иду. А, мать твою так, ты еще разговаривать!..

И, вскинув к плечу дробовик, Савельев решил потешиться:

— Становись на колени, проси прощения...

Но не удалось Савельеву посмеяться. За плотной стеной окруживших его рабочих он не увидел подошедшего милиционера конторы «Дальлеса» Кима, который тут же, под неодобрительный шопот, отобрал у Савельева дробовик и топор, как вещественное доказательство великодержавного шовинизма, проявленного в самой подлой форме.

Вечером в красном уголке, специально открытом для заседания рабочкома, которое является целым событием для всего поселка, председатель зычным голосом объявил порядок дня:

— Разберем один вопрос. Об издевательствах... милиционера Кима над рабочим Савельевым.

Вокруг раздались голоса:

— Чего разбирать, факт установлен!

— Упечь его, сукина сына...

Киму не дали говорить... Да и зачем, когда всем известно, что он «ограбил» Савельева?

Постановление гласило: «Просить прокурора привлечь к ответственности милиционера Кима за незаконное действие и грабеж...»

После собрания, когда на дверях красного уголка вновь появился американский замочек, в первом бараке началось переселение русскими корейцев от печек (наиболее удобных мест) к продуваемым окнам...

Эти картинки из быта и жизни рабочих в «непроизводительное» время со всей очевидностью говорят о том, в каком положении находилась культурно-массо-

вая и агитационно-разъяснительная работа. Это не сгущенные краски, это действительное, ничем не прикрытое положение с культурно-бытовым обслуживанием рабочих.

Культурный досуг, здоровый быт—на промыслы, шахты, в тайгу!

Сдвиг в культурно-бытовом обслуживании рабочих почувствовался с приездом мобилизованных комсомольцев, омоложивших и тайгу, и промыслы, и шахты своим безграничным желанием строить и строить, своим задорным энтузиазмом и неисчерпаемой энергией. Неприветливая, «с хитрецей», подозрительная встреча, которой подарили комсомольцев старожилы, была сломлена ударной работой и безупречно честным отношением к производству, была сломлена примером в быту.

Везде, где были комсомольцы—походники за экспортом, открывались как по мановению волшебной руки клубы, избы-читальни, красные уголки, налаживался регулярный выпуск стенной газеты, создавалась легкая кавалерия, организовывались школы, кружки, курсы, создавались правила внутреннего распорядка и дежурство в общежитии, создавались специальные культфонды и т. д.

Упорная и трудная работа по совершению действительно культурной революции, сопряженная с чрезвычайно трудными условиями, началась комсомольцами с разъяснительной массовой работы среди рабочих, создания красных уголков и введения чистоты в бараках.

В срединном течении Амура на хингано-архаринских экспортных заготовках комсомольцы организовали по баракам 27 русских и 2 восточных красных уголка; из среды восточников был избран рабочий специально

для обслуживания и обеспечения нормальной работы уголков, в которых каждый день производились громкие читки газет и журналов. По баракам были созданы тройки, следящие за чистотой и порядком, устроили воскресник по уборке грязи и мытью полов, создав таким образом известный порядок и чистоту в общежитиях.

Вслед за этими первыми мероприятиями культурной революции в бараках и палатках комсомольцы перешли в наступление на завоевание всего свободного времени рабочих.

В Николаевском округе, являющемся рыбницей Дальнего Востока, с этой целью начали организовываться самые различные кружки типа драматических, стрелковых, шахматно-шашечных, общеобразовательных, физкультурных и других.

Особенно большое значение имели все эти кружки в смысле организации культурного досуга, когда они принимали массовый характер. На промысле Оремиф, затерянном в дельте Амура, комсомольцы организовали кружок физкультуры. Молодежь гурьбой повалила в него.

Каждый день устраивались занятия, в принцип которых было положено индивидуальное и межгрупповое соревнование. День за днем снижалась кривая прогулов, реже прорезали по вечерам туманный воздух пьяные голоса, матерная ругань и вопли преследуемых девчат.

Кружок физкультуры делал свое благотворное дело и можно судить о его влиянии по праздничным лицам молодежи в тот день, когда было назначено состязание с промыслом «Тнэйвах» и городом по метанью копья, диска, гранаты, стрельбе и другим видам спорта и физкультуры.

Из кружка физкультуры выделилась группа ребят, организовавшихся в синюю блузу, давшая свое

первое выступление на наспах отстроенной открытой сцене.

Когда один из комсомольцев стал прогуливать и опаздывать на производство, синеглазники взяли на себя инициативу создания над ним товарищеского суда, который с успехом был проведен под председательством старого рыбака-старожила. Суд, как мероприятие по борьбе с болезненными явлениями на промысле, вполне оправдал себя.

На Шимановском лесозаготовительном участке, раскинувшись на протяжении нескольких километров, с приездом мобилизованных комсомольцев по баракам начали организовываться струнные оркестры, драматические группы, кружки текущей политики. И самым замечательным является то, что взрослые рабочие, старожилы-лесорубы, приняли самое активное участие в проведении мероприятий комсомольцев. Кружок текущей политики до того разросся, главным образом за счет седовласых, что пришлось его разбивать на несколько подгрупп. По предложению комсомольцев, рабочие приняли шефство над селом Дмитриевкой и в период подготовки к посевной кампании послали туда ремонтную бригаду.

Приведенная в порядок клубная библиотека, ежедневная выдача книг, громкая читка газет и журналов в барачных уголках и т. д. — все это привело в конечном итоге к сокращению прогульных дней до нуля.

В урочище Малого Саймона, там, где комсомольцы на первых порах своей деятельности столкнулись с фанзой «трефового туза», восточники свое свободное время убивали в игре в карты, домино, кости. После закрытия фанзы Джао Хай несколько китайцев-комсомольцев провели беседы с восточниками о социалистическом строительстве, о партии и комсомоле и организовали инициативную группу проведения досуга. Группа, при содействии и непосредственном участии

всех восточников, организовала восточный красный уголок и наладила регулярный выпуск стенгазеты. Между комсомольцами и восточниками установились дружественные отношения, и когда восточники обсуждали какой-нибудь спорный вопрос, то сами звали комсомольцев, чтобы правильное его решить.

Громкие читки с обсуждением прочитанного восточниками поднимали их идейно-политический уровень.

Эти первые шаги культурно-массовой работы комсомольцев среди рабочих создали значительный сдвиг и благоприятную почву для дальнейшего наступления по всем участкам некультурности, невежества и темноты, используемой классовыми врагами в интересах борьбы с социалистическим строительством.

Рыбаки, лесорубы, шахтеры должны быть грамотными

Одной из самых основных задач культурно-массовой работы и культурной революции является ликвидация неграмотности и малограмотности среди рабочих. Основная тяжесть выполнения этой задачи пала на плечи мобилизованных комсомольцев.

Естественной трудностью при развертывании массовой работы по ликвидации неграмотности является отсутствие необходимой литературы. Органы народного образования и профсоюзы очень часто снабжение литературой отдавали в руки аппаратных бюрократов. Так например союз сельхозлесрабочих забрасывал на лесозаготовки романы и драмы на французском и английском языках и «Наставление домохозяйкам по кулинарии», упуская из виду такую «мелочь», как буквари.

И все же, несмотря на отсутствие в достаточном количестве учебных пособий и литературы, комсомольцы с большевистским упорством развернули работу по со-

зданию и укомплектованию кружков и курсов по ликвидации неграмотности.

В красных уголках на столе и подоконниках, в бараках на постелях и табуретках — везде, где только можно приоткрыть и развернуть тетрадь, комсомольцы создавали, уговаривали, агитировали, объясняли, показывали и добивались несомненных, неоспоримых успехов.

Силами комсомольцев на лесозаготовительных участках Хингано-Архаринского района ликвидирована неграмотность 45 русских и 32 восточных рабочих. Проработкой решений ноябрьского пленума ЦК партии было охвачено 222 человека, из них более половины — взрослых рабочих.

На одном из самых больших рыбных промыслов Дальнего Востока, на промысле Озерпах, комсомольцы организовали три группы ликвидации неграмотности, охватив около 45 рабочих, выделив из своей среды шесть преподавателей, и успешно окончили занятия к 25 июня.

Вместе с развертыванием работы по ликвидации неграмотности комсомольцы развертывали и организовывали политобразование и подчас в этом отношении добивались, несмотря на специфические трудности (связанные с поздней доставкой газет, отсутствием учебников), больших успехов, нежели городские организации комсомола. Это объясняется неподдельным рвением и подлинным желанием выполнить с честью задание, данное партией.

Так например на участке декастринских лесозаготовок комсомольская ячейка организовала кружки политучебности по программе кружков текущей политики и охватила ими не только всех комсомольцев, но и всю беспартийную рабочую молодежь. Кружки организованы при бараках и обеспечены 100% явкой занимающихся.

Занятия основаны на принципе индивидуального и звеньевое соревнования, успехи заносятся на красную доску, отрицательные явления и прогулы — на черную доску, вывешенную для общего сведения на самом видном месте в бараке.

За общественное питание

Вопрос о питании играет чрезвычайно важную роль в деле обеспечения нормальной работы производства и создания благоприятных жизненных условий для рабочих.

Неудовлетворительная работа потребительской кооперации, не обеспечивающая своевременной, в нужном количестве заброски на промыслы и лесные интегралы продуктов, создает перебои в снабжении и тем самым порождает нездоровые настроения в среде рабочих, подогреваемые и используемые классово враждебным элементом.

Кроме этого пища при индивидуальном питании готовится совершенно неудовлетворительно, в антисанитарных условиях, а подчас не готовится совершенно и рабочие вынуждены питаться всухомятку.

Все это вместе взятое настоятельно ставило вопрос об организации общественного питания под контролем рабочих масс. Инициативу практического выполнения этого дела взяли на себя мобилизованные комсомольцы, но надо оговориться, что благодаря бездушному бюрократизму и невнимательному отношению администрации, а подчас и профсоюзных организаций к удовлетворению рабочих запросов, в некоторых местах эта инициатива не встретила достаточной поддержки, увяла.

Но на некоторых участках и промыслах она пробилась через административный лед и создала образцы

прекрасной постановки общественного питания при неимоверно трудных условиях.

На экспортном участке Делян, Хингано-Архаринского района, комсомольская ячейка обсудила на своем открытом собрании вопрос о состоянии снабжения и постановила добиться организации общественного питания.

Поручили каждому комсомольцу поговорить об этом с рабочими в бараках, провести групповые беседы, создать общественное мнение. На следующий же день поставили вопрос перед лесорабочим о созыве общего собрания рабочих, но председатель запротестовал:

— Вперед обсудим на заседании рабочкома... Да и об этом уже думали раньше вас, дело пропащее, зря волнуетесь.

Но вопрос все же на заседании рабочкома поставили. Холодно, с недоверием отнеслись к инициативе комсомольской ячейки и в конце-концов создали комиссию вместе с представителем ячейки по проработке этого вопроса. Администрация в содействии этому делу отказала:

— Делайте... Если выйдет, то молодцами будете.

Ячейка командировала от себя специального представителя в город с твердым заданием договориться о необходимых условиях для создания общественного питания.

Одновременно добились от созданной комиссии созыва рабочего собрания, которое одобрило инициативу ячейки и потребовало от рабочкома и администрации полного содействия этому делу.

После этого в комиссию вошел представитель администрации, а бюро комсомольской ячейки составило примерную смету предварительных расходов на кухню и стоимости питания на каждого рабочего. Представитель из города вернулся с поваром, везде где надо до-

говорился, и через две недели было налажено общественное питание всех рабочих участка Делян.

На Шимановском лесозаготовительном участке точно так же по инициативе комсомольцев организовано коллективное питание почти во всех артелях лесорубов.

Не только словом, но и делом

Жилищные условия работы в тайге и на рыбалках чрезвычайно тяжелы тем, что имеющиеся бараки находятся почти повсеместно в антисанитарном состоянии (грязь, скученность, клопы, спертый воздух), а в некоторых местах (на рыбалках — благодаря отсутствию стройматериала, на лесозаготовках — благодаря отсутствию свободной рабочей силы) рабочие живут в палатках, где к грязи и скученности прибавляется еще и сырость.

Все это создает благоприятные условия для развития разных болезней, подчас эпидемических, и не дает возможности организовать действительный отдых уставшему после изнуряющей работы организму.

Мобилизованные комсомольцы явились по существу инициаторами введения чистоты и гигиены в бараках и палатках рабочих, при чем вели в этом отношении не только разъяснительную работу, но и организовывали показательные комсомольские бараки, увлекая рабочих своим личным примером бытовой гигиены.

В бухте Терней, одном из самых северных пунктов лесозаготовок, комсомольцы организовали показательный барак, производя в пять дней раз капитальную уборку с мытьем полов и проветриванием постелей, установили обязательным правилом еженедельное хождение в баню и смену белья. Распределили между всеми живущими в бараке ежедневные дежурства с целью подметания пола и выветривания помещения.

Все это было новинкой для Севера, где круглую зиму люди не моются, где больше надеются на «выдержку и закалку».

Этот показательный комсомольский барак был сначала действительной музейной редкостью для всего района; в него часто приходили экскурсии рабочих соседних участков, в среде которых были и старые лесорубы.

В результате опыт организации и соблюдения гигиены в бараках был перенят почти всеми рабочими в виде установления дежурств капитальной уборки, запрещения курить в помещении и т. д.

Так совершил показательный комсомольский барак культурную революцию в быту рабочих.

Там, где комсомольцы в силу своей разбросанности были лишены возможности организовать показательные бараки, они выдвигали перед самими рабочими вопрос об улучшении бытовых условий. Вот например постановление комсомольского собрания промысла Озерпах: «В силу скопления народа табачный дым и грязь могут разлагающе подействовать на здоровье каждого».

Для соблюдения правил санитарии и гигиены надс: 1) запретить курить в бараках, 2) установить по баракам дежурства, не допускать грязного и неряшливого содержания постели, 3) немедленно во всех бараках вымыть полы. За проведение этих мероприятий в каждом бараке отвечают комсомольцы».

На лесозаготовках в подрайоне Малого Саймона в рабочих бараках пол не моется и не подметается, на нарах грязь и пыль, окна и потолок заплеваны, форточек нет, а поэтому помещение никогда не проветривается; мусор, разбросанный по полу, начинает от сырости гнить. В газете «Лесоруб» № 4 от 7/1 появляется заметка:

«Довольно жить свиньями».

На общем собрании рабочих была выбрана комиссия охраны труда, но работы ее не видно, под носом у этой комиссии творятся без конца безобразия и охрана труда не принимает никаких мероприятий. А посему, мы, комсомольская ячейка, организуем 10 января субботник по: 1) очистке двора, 2) мойке бараков (внутри), 3) сделать помойные ямы и вычистить уборные. Приглашаем на воскресник всех рабочих. Администрация же предлагаем, пока мы не приняли решительных мер, поставить в фельдшерском пункте кровать, так как больным ставят банки на полу, что совершенно недопустимо.

10 января на воскресник пришло немного рабочих, однако под руководством комсомольцев он состоялся и к вечеру в нем приняли участие почти все. Полы были начисто вымыты, бараки проветрены, сор сожжен, окна протерты.

Стало как-то светлее и веселее, а после конца работы, по предложению комсомольцев, все участники воскресника в три смены сходили в баню. На следующий день несколько рабочих, организовавшись в инициативную группу, наделали для всех бараков мусорные ящики и плзательницы, одновременно установив твердые дежурства по баракам.

Так словом и делом комсомольцы боролись на лесозаготовках и рыбалках за улучшение бытовых условий рабочих, проводили и добились неоспоримых успехов в культурной революции по баракам.

Подчиним досуг и быт производству

Основной установкой и самой главной целью культурно-массовой работы является обеспечение через самые разнообразные формы агитации и пропаганды ударных темпов на производстве, выполнение программ, повышение производительности труда, борьба

с прогулами, текучестью рабочей силы и прочими производственными неполадками. Культурно-массовая работа оправдывает себя только при том условии, если она целиком и полностью подчинена производству, отражает его интересы. Именно за такую установку в культурно-массовой работе, против ее политического выхолащивания, сведения исключительно к культурничеству боролись комсомольцы.

На промыслах «Собахе» и Нижнем Пронге бюро комсомольских ячеек решило повернуть клуб лицом к выполнению производственных программ. Организовали в клубе радиорупор, представляющий собой не что иное, как трубу от сломанного граммофона. Через этот рупор оповещали каждые три дня всех рабочих о состоянии плана, производительности труда и прогульщиках.

Радиорупором руководила редколлегия комсомольской стенгазеты «Крокодил».

Около клуба вывесили две доски: красную и черную, благодаря чему все рабочие знали прогульщиков, пьяниц, рвачей и разгильдяев.

Все эти мероприятия привели к тому, что кривая производительности труда и производственной дисциплины дала резкий скачок вверх.

На лесозаготовках Декастринского района комсомольцы выпускали пятидневную стенгазету и ежедневные листки как на русском, так и на китайском языке, которые информировали рабочих о ходе выполнения промфинплана. Путем летучих собраний, бесед по баракам, экстренных выпусков газеты и листовок, постановок в клубе комсомольцы не допустили забастовки, подготовляемой в связи с отсутствием спецодежды классово враждебным элементом организации. Созданная комсомольской ячейкой легкая кавалерия в три дня выяснила причину несвоевременной доставки спецодежды и отдала под суд двух десятников.

Культурно-массовая работа на лесозаготовках и рыбалках, развернутая почти исключительно силами комсомола, тесно увязанная с производственными интересами, помогла превратить тяжелую работу в таежных и рыболовецких условиях в «дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма».

КЛАССОВЫЙ ВРАГ В БОРЬБЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ЭКСПОРТА

Борьба за темпы экспорта происходит в обстановке обостренной классовой борьбы, проявляющейся в особенно острых формах на решающих участках.

Кулак против экспорта

Вместе с первыми лучами выходившего из-за Сихото-Алинских вершин солнца мелкими партиями расходились лесорубы засыпанными выпавшим хрупким утренним снежком дорожками и трактом по участкам ходынских лесозаготовок. Сегодня вместе со старыми лесорубами вышла на работу вчера только прибывшая новая партия рабочих, которых уже распределили по всем лесорубским артелям.

На второй же день после своего приезда новички устроили «вспрыскивание» — ночью пьяные подняли в бараке драку, раздели двух комсомольцев и выгнали на улицу. Утром потребовали от администрации спецодежды и когда узнали о том, что ее выдадут через две недели, отказались идти на работу, агитируя за невыход среди других рабочих.

Комсомольцы вместе с рабочкомом, выяснив, что новички все являются раскулаченными, собрали общее собрание рабочих, с тем чтобы вскрыть перед массами социальное лицо рвачей и вредителей производства.

В бараке на собрании кулаки не давали говорить, кричали, надрывая горло сиплым голосом:

— Вы лес увозите за границу царские деньги уплачивать!

— Кровопийцы, кровь из нас пьете!

Но склонить рабочих на свою сторону бывшим кулакам не удалось.

На следующее утро кулаки, провожаемые злобными взглядами рабочих, ушли с лесозаготовок.

В подрайоне Вака, клинообразно врезающемся своим стройным осиновым лесом в запашные поля Калининских сел, из которых вербовали крестьян на экспортные лесозаготовки, в свободное от сельскохозяйственных работ зимнее время кулачество при помощи самых подлых слухов пыталось сорвать развернувшиеся ударными темпами заготовительные работы.

Черной сплетней тянулись из кулацких домов слухи о том, что в лесах оперируют банды, что семьи лесорубов будут выключены из снабжения и т. д. Некоторые кулаки специально для подрывной работы изнутри вступали в лесорубческие артели и уже непосредственно среди рабочих агитировали за уход с лесозаготовок, используя самые различные мелкие затруднения. Подбывали рабочих на выставление рваческих требований, путем саботажа и разгильдяйства пытались сорвать твердые расценки, играли на отсталых настроениях рабочих, поднимая на смех и не давая прохода ударникам-комсомольцам. Но в конце-концов все эти происки разъяренных представителей ликвидируемого класса оканчивались полной неудачей. Рабочие вскрывали их кулацкое лицо и изгоняли из своей среды.

Вредители в аппарате

Кулак в своей борьбе против лесозаготовок не одинок: он имеет в техническом персонале и в аппаратах

экспортно-заготовительных организаций не только людей, ему сочувствующих, но и своих непосредственных агентов, использующих служебное положение для проведения политики классового врага на практике, для косвенного и непосредственного вредительства.

На Котянском участке экспортных лесозаготовок, в одном из лучших барачных, окруженных со всех сторон тесным кедровым кольцом, вольготнее жил профработник Каменский, ненавидевший всем своим кулацким нутром тех, кто болеет душой за выполнение экспортного плана, тех, кто за своей спиной имеет десятки лет суровой батрацкой и полуголодно-бедняцкой жизни. Зато очень добродетельно и панибратски относился Каменский к кулацким артелям, отводя им лучшие и легкие участки, разработки, выдавая лучшую спецодежду, снабжая кулаков кредитами и авансами.

Однако не удалось «профработнику» Каменскому долго благоденствовать: по настоянию комсомольской ячейки он был снят с работы и за искривление классовой линии отдан под суд. Вместе со снятием Каменского отошла кулакам «масленица», настал и «постный день».

При Архаринской агентуре Дальгосторга задумали построить пчеловодный совхоз. Всякими правдами и неправдами пчелы были закуплены, но во время перевозки по железной дороге их очень много погибло. В Архаре пчел надо было грузить в вагоны для отправки в совхозы. Комиссия, председателем которой был некто Вагевич, расставила ульи около вагонов. Днем пчелы вылетели на работу, за медом, а работники с Дальгосторга, погрузив пустые ульи в вагоны, увезли их в совхоз.

Пчелы остались «собирать» мед без дальгосторгских «спецов» и ульев.

Ларчик всей этой истории прямого вредительства открывается очень просто: руководитель комиссии Ва-

гевич — старый офицер, примазавшийся к делу государственной торговли с целью при удобном случае навредить и показать свое истинное лицо, лицо классового врага.

Разнузданность великодержавного шовинизма на северном побережье, в районе экспортных лесозаготовок, никем не сдерживалась. Восточные рабочие в случае столкновения с шовинистами не могли рассчитывать на скорую помощь общественности. Поэтому на Северном побережье китайцы и корейцы держатся обособленно.

Однажды комсомольцы обратились к старшине китайской артели с просьбой одолжить им небольшое количество медикаментов (аптечек «Дальлес» на работах не имеет). Комсомольцы не ожидали, что столкнутся с враждебным отношением соседей по участку. Китайцы не только отказали комсомольцам в помощи, но и не скрывали от них своей ненависти.

Комсомольцы стали выяснять причины. Оказалось, что один бывший белогвардеец настроил восточных рабочих против комсомольцев, рассказывая им, что комсомольцы — «плохие люди».

— Они ждут только случая, чтобы напасть на вас, — распалялся бывший громила. Ему вторили его соучастники, от которых китайцам не было прохода. Если восточник где-нибудь попадал в беду, его не выручали, а старались «поприжать» и даже убить.

Комсомольцы поняли, почему китайцы стараются обезжать те места, где они работают. Эти обезжания были сопряжены с риском сломать шею и себе и лошади.

Однажды невдалеке от того места, где работали комсомольцы, в непроходимой чаще застряли китайские сани.

Когда ребята пошли помогать своему соседу-китайцу, то он пустился от них бежать. Большого труда стоило ребятам вытащить лошадь и сани китайца, но

еще больше усилий они потратили на уговоры самого пострадавшего вернуться и приступить к работе.

Восточники были поражены заботливым отношением комсомольцев к их товарищу. На другой день их делегация пришла благодарить ребят за оказанную помощь, привезла им нужные медикаменты и извинилась за прежнее враждебное отношение.

— Вы хорошие ребята, плохой человек обманул нас, давайте работать, оказывая поддержку друг другу, — говорили китайцы. После этого они уже не обезжали комсомольский участок и между артелями установилась тесная дружба.

Изменники

В тяжелой и трудной борьбе за овладение ударными темпами работы, в ожесточенных схватках с классовым врагом проверяется действительная неподдельная преданность интересам рабочего класса и партии, выявляются и отбрасываются трусы и слюнтяи, неспособные бороться, перебегают на позицию классового врага изменники, примазавшиеся и присосавшиеся.

В самый разгар весенней путины, в апреле, на островах Попова секретарь комсомольской ячейки, он же член ФЗМК, Шаповалов, воспользовавшись временной заминкой в доставке продуктов, повел среди мотористов не только своего, но и соседних промыслов «работу» по организации забастовки. Комсомольцы об этом знали, и... некоторые из них оказывали активную помощь, а некоторые молча сочувствовали. Когда об этом узнал местком и поставил вопрос на общем собрании, то благодаря тому, что некоторые комсомолы явно встали на защиту своего секретаря-изменника, никакого решения принято не было, при чем Шаповалов выступал на собрании под крики «браво» и аплодисменты.

При постановке вопроса об увольнении Шаповалова с промысла и исключения из профсоюза за голосовало 14, против 15, остальные выходили курить и воздерживались.

На следующий день было назначено второе собрание по этому же вопросу. Большинство комсомольцев признали свою политическую ошибку, выразившуюся в примиренчестве по отношению к контрреволюционной работе Шаповалова, который как изменник был исключен из комсомола, из профсоюза и снят с работы. В принятом постановлении рабочие заявили:

«Предателям интересов рабочего класса, изменникам социалистического строительства не может быть места в рядах ударников экспортного участка хозяйства края».

Подчинить внутрисоюзную работу ударным темпам

Суть перестройки работы комсомольской ячейки заключается в том, чтобы как можно лучше приспособиться к производству, возглавить движение масс за повышение производственных показателей, привести в полное соответствие работу комсомольской ячейки и работу производства, добиться, чтобы ячейка и производство жили «душа в душу».

Под знаком такой перестройки работали комсомольские ячейки на лесозаготовках и промыслах в течение всего 1929/30 хозяйственного года и в деле перестройки добились несомненных успехов и богатого опыта. Но прежде чем о нем говорить, бросим взгляд назад.

Взгляд назад

Как всегда, на весеннюю путину в апреле 1928 г. стали прибывать в Николаевск первые партии сезонных рабочих: мужчин и женщин самых различных возрастов.

Молодежи прибыло до 700 чел., из них около 300 комсомольцев.

Среди этой молодежи большинство было из деревни, главным образом из зажиточных крестьянских семей, солидное количество таких, которые, уходя на рыбалки, наняли за себя батраков.

Городская молодежь состояла в большинстве из рабочих, но не производственников, а занимавшихся поденной работой. Вся эта молодежь, в том числе и комсомолцы, прибыла на путину с единственной целью «хорошо заработать» — получить длинные рубли.

Николаевский райком комсомола, будучи хорошо осведомлен о тех настроениях, с которыми приехали комсомолцы на путину, собрал общее собрание по вопросу о работе на промыслах. На собрании никто не выступал, вопросы же задавались только такого характера:

- Сколько мы будем получать?
- Сколько будет стоить обед?
- Как будут платить за сверхурочные?

После собрания секретарь райкома разбил всех ребят на семь групп (по семи промыслам) и сразу же провел оформление комсомольских ячеек. Так за каких-нибудь полтора часа было создано семь ячеек. Однако, когда стали раз'езжаться по промыслам, комсомолцы поехали не туда, куда были намечены, а поехали на выгодные места — туда, где больше платят. Через месяц пришлось ездить инструктору окружкома по промыслам и создавать комсомольские ячейки снова. Вместо семи ячеек было организовано всего только три, из них, после от'езда инструктора, две распались, а оставшаяся ячейка развернула большую «культурно-массовую работу», ежедневно закатывая в клубе вечера «с танцами до упада», с томными декламациями и бульварными пьесками.

Когда в самый большой ход рыбы рабочие, под влиянием кулацкого и люмпен-пролетарского элемента, стали требовать повышения расценок, комсомольская ячейка поддержала рвачей, используя в этих интересах даже стенную газету.

На производственной работе ни один из комсомольцев не был примерным рабочим. На общих собраниях ячейки стояли такие вопросы, как разучивание новых игр, работа драмкружка, выделение библиотекаря и чтецов, международное положение и т. д. Из всей этой кучи вопросов, разобранных комсомольской ячейкой, за все время своего существования был обсужден только один производственный вопрос: выборы представителя в расценочно-конфликтную комиссию.

Так работали комсомольские ячейки на промыслах.

Так участвовали комсомолцы в выполнении производственных планов два года тому назад.

Не лучшую картину представляла работа комсомольских ячеек на лесозаготовках в 1928 г., т. е. за год до объявления экспортного похода комсомола.

По Хабаровскому округу, где заготавливается 60 % всего экспортного плана леса, было пять комсомольских ячеек, охватывающих собой 97 человек, между тем комсомольцев в лесорубческих артелях работало более 300 человек.

Таким образом большинство комсомольцев были одиночками не только в организационном понятии этого слова, но и в смысле того, что ими никто не руководил. Существующие комсомольские ячейки не обеспечивали возглавления движения масс за лучшие производственные показатели и в своем большинстве стирали свое политическое лицо полной бездеятельностью.

Вот как например работала комсомольская ячейка на участке Ходы.

Первое комсомольское собрание провел инструктор райкома. На этом собрании выбрали бюро, и по докла-

ду инструктора о задачах работы выступали и говорили о том, что надо работать до седьмого пота, но программу лесозаготовок выполнить.

Все это были только красивые слова, потому что после собрания и заседания бюро, на котором распределили нагрузки, больше не было ни одного заседания и ни одного собрания до самой весны. В повседневной работе на производстве комсомольцы работали так же, как и другие рабочие, а подчас даже значительно хуже.

После работы комсомольцы, точно так же как и самые отсталые рабочие, играли в карты и пьянствовали.

Каждая пятидневка давала на 50, на 30% невыполненную программу. Прогулы росли, производительность труда и выработка на каждого человека падали. И все это происходило на глазах комсомольской ячейки, которая забыла про свои обещания. Зато очень хорошо работал драмкружок, ставивший классические, но в таежных условиях совершенно ненужные пьесы, вроде «Бедность не порок» Островского и другие.

Производство — стержень работы

Перестройка работы комсомольских ячеек и организаций в лесной, рыбной и угольной промышленности в смысле их повертывания лицом к производству стала решительней и быстрее проводиться с момента объявления крайкомом экспортного похода и хозяйственных мобилизаций комсомольцев на узкие места экспорта.

Это повертывание нередко сопровождалось самыми крутыми и решительными мерами по отношению к тем ячейковым руководствам, которые пытались задержать перестройку.

Так было с бюро комсомольской ячейки лесозавода № 5, где в течение целого года не было общих собраний.

Иногда собиралось заседание бюро, да и то по вопросам исключительно кампанейского характера. А завод систематически недовыполнял своей производственной программы, комсомольцы дезертировали с производства, получали за прогулы и недисциплинированность выговоры в приказах администрации. И только после того как провели досрочные перевыборы бюро, исключили за полную бездеятельность и оппортунистическую темпобоязнь секретаря, а вместе с ним и еще двух комсомольцев, наметился некоторый сдвиг в работе и внутри ячейки и на производстве.

С приездом мобилизованных комсомольцев стала быстро улучшаться работа ячеек в сторону действительного их приобщения к производственным интересам, интересам борьбы за качественные показатели, за ударные темпы.

На промысле Оремиф комсомольская ячейка существовала более трех лет и ребята-старожилы этой ячейки говорят:

— По-настоящему мы работаем только первый год.

В прежние годы в ячейке еле-еле теплилась жизнь. Занимались вопросами футбола, Мая, МЮДа, Октября но... производство — это было одно, а комсомольская ячейка — это совершенно другое.

К началу весенней путины на промысел прибыли мобилизованные комсомольцы, влившиеся в ячейку живой, оздоравливающей струей. Были проведены новые выборы бюро, в которое вошли лучшие ребята, активисты и ударники.

Заклучили с ячейкой соседнего промысла Тнэй-Вах договор по соцсоревнованию на быстрейшую перестройку и приспособление работы ячеек к производству.

Были организованы две комсомольские бригады: неводчиков и заездчиков, соревнующиеся между собой и вызвавшие на соревнование остальных рабочих.

На самом видном месте промысла, около конторы, устроили доску показателей, где каждую пятидневку давались показатели достигнутых результатов в соревновании.

По примеру комсомольцев стали создаваться ударные бригады из взрослых рабочих и работниц-мойщиц.

Бюро комсомольской ячейки регулярно заслушивало информацию о состоянии промфинплана, иногда собирались экстренные собрания комсомольцев, когда контрольные показатели пятидневки поставлены были под угрозу невыполнения:

Вся культурно-массовая работа была направлена в помощь производству, против пьянства, прогулов, картежной игры и т. д.

Комсомольцы оживили работу производственного совещания, выдвинув целый ряд практических мероприятий по рационализации процесса труда. Каждый шаг комсомольской ячейки целиком и полностью подчинен интересам борьбы за промфинплан, интересам производства.

Авторитет комсомольцев и всей ячейки в глазах рабочих настолько возрос, что в состав пяти членов промкома были избраны три комсомольца.

Можно было бы показать еще много ячеек, на деле повернувшихся лицом к производству. Но в этом нет надобности.

Результаты участия комсомола в борьбе за экспорт сами по себе доказывают, что дальневосточная организация сумела по-большевистски перестроиться для практической революционной борьбы за линию партии.

На промысле Нижнем Пронге за три месяца работы принято ячейкой свыше тридцати человек ударников, один из которых в своем заявлении пишет:

«Прошу принять меня в комсомол, потому что мы вместе отдаем свои силы и боремся, не щадя себя, за выполнение промфинплана. За это я хочу продолжать бороться и дальше вместе с вами...»

СОДЕРЖАНИЕ

Аванпост Советского Союза на берегах Тихого океана	5
От ударных бригад к ударным заводам	19
Поворот мозгов к технике	44
За железную пролетарскую дисциплину	47
Профсоюзы и комсомол	56
Учись хозяйничать	60
За пролетарскую культуру	82
Классовый враг в борьбе против советского экспорта	100
